

Интервью с Варленом Викторовичем КОЛБАНОВСКИМ

«В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В СОЦИОЛОГИИ “РАСЦВЕТАЮТ СТО ЦВЕТОВ”...»

Колбановский В. В. – окончил философский факультет МГУ, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН (Москва). Основные области исследования: теория, история и методология социологии, социология труда. Интервью состоялось: февраль 2009 – январь 2014 гг.

Каждое из проведенных мною интервью по своему необычно и уникально. Но беседа по электронной почте с Варленом Викторовичем Колбановским (1926 г. рожд.) занимает в коллекции из более полусотни таких разговоров «за жизнь и за социологию» особое место. Прежде всего, В. В. Колбановский – старейший из моих собеседников. Второе, он не только принадлежит к узкой группе советских ученых, начинавших социологические исследования в стране, но именно он в 1958 году был одним из инициаторов многолетней дискуссии, завершившейся уже в перестроечные годы признанием социологии в качестве самостоятельной науки. Третье, Варлен Викторович имел возможность наблюдать, нередко участвуя, многие события, о которых сегодня очень мало кто помнит, и встречаться со знаковыми для истории социологии людьми, чьи фамилии сейчас многим не известны. Цепкая, живая память Варлена Викторовича позволяет ему передать и фабулу событий достаточно удаленных от настоящего, и многие ценнейшие детали, которые делают его воспоминания не сухим отчетом о прошлом, а красочной картиной «полнокровного настоящего».

Наше интервью началось 3 февраля 2009 года с моего письма Варлену, в котором я приглашал его к интервью и сформулировал несколько первых вопросов. Но прямого контакта по электронной почте у нас не было, я отослал мое письмо нашему другу и коллеге Полине Козыревой, а она по-соседски передала его В. В. Колбановскому. Ответ был получен 17 июля 2009. Потом мы все никак не могли продолжить нашу беседу, но в марте 2013 нам это удалось; а закончили в середине июля. Здесь нам помогла сотрудница Института социологии РАН Зарема Зарипова.

Особенности организации нашего интервью определили и некоторую специфичность данного текста. Но я полагаю, что лучше в нем ничего не корректировать; пусть все будет так, как есть.

В. В. Колбановский: «В настоящее время в социологии “расцветают сто цветов”»

Часть 1. (Вопросы от 3 февраля 2009)

Варлен, твой отец – Виктор Николаевич Колбановский – видный психолог и философ, не могли бы мы начать беседу с краткого рассказа о нем?

Мой отец – Виктор Николаевич Колбановский – родился в 1902 г. в г. Витебске в семье бухгалтера. Семья переехала в г. Ярославль, где он учился в гимназии.

В 1917 году пятнадцатилетним мальчишкой пошёл в Красную Армию, вступил в партию в 1919 году, прошёл Восточный и Южный фронты, был комсомольским работником в Донбассе, потом в Московском Комитете комсомола. Перед выходом первого номера журнала «Пионер» он пришёл к Маяковскому и сказал: «Без Вас журнал не может выйти в свет!». Маяковский басом повторил эти слова и дал стихи: «Возьмем винтовки новые...». Большая дружба связывала моего отца и Антона Семёновича Макаренко. Это он написал первую позитивную рецензию «Поэзия педагогики» («Красная Новь», 1935 г.). То же самое можно сказать о Корнее Ивановиче Чуковском. Как известно, его, как и Макаренко, травили и обвиняли во всех смертных (идеологических) грехах педологи из Наркомпроса, находившиеся под покровительством Н. К. Крупской. Мой отец определённым образом «оградил» и защитил К. И. Чуковского в середине 1930 г.г., дав развёрнутое предисловие к его книге «От двух до пяти», (7-е издание).

Отец окончил 1-й Медицинский институт, был учеником известных невропатологов Россоломо и Ганнушкина, а в начале 30-х годов учился в Институте Красной Профессуры (ИКП). С 1932 по 1936 год он был директором Института психологии. Этот институт в начале 30-х годов находился в весьма запущенном состоянии – как в материальном, так и в кадровом. Годы директорства моего отца старые психологи вспоминают как время восстановления и утверждения психологической науки в своих правах. Мой отец оказывал поддержку и сотрудничал с такими видными советскими психологами как Блонский, Выгодский, Корнилов, Теплов, Рубинштейн. Были моменты критики и полемики между ними – но они имели не «заушательский», а конструктивный характер. Это сотрудничество продолжалось и в 50 – 60 гг. , когда отец редактировал журналы «Семья и школа» и «Вопросы психологии».

С первых дней Отечественной войны мой отец – на фронте. В июле 1941 он был ранен в область сердца на станции Бологое (где находился с военным госпиталем). 16 октября 1941 года он уже в Москве и отправляется на Северо–Западный фронт. В чине подполковника медицинской службы он четыре года командует фронтовым эвакогоспиталем, награждён боевыми орденами и заканчивает войну на Втором Прибалтийском фронте.

После войны он вновь работает в Институте психологии и Академии общественных наук, выступает с лекциями в Политехническом музее и других серьёзных аудиториях. В юности он несколько лет провёл в семье А. Луначарского, слушал многих выдающихся ораторов своего времени и сам был очень одарённым оратором: никогда не выступал «по бумажке», никогда не говорил казённым и затасканным языком...

В 1950 году мой отец выступает в «Литературной Газете» со статьёй «Наболевший вопрос» – направленной против отдельного обучения мальчиков и девочек. В 1944 году Нарком просвещения Потёмкин по указанию Сталина разделил советские школы на мужские и женские. Одним из предлогов было – больше уделять внимания

военному делу в мужских школах (шла война). В действительности, всё это совпадает с политикой реставрации не только внешней атрибутики, но и самих общественных форм российской империи, которую инициировал Сталин. Выступить против этой «линии» — требовало немалого гражданского мужества. Некоторое время в «Литературной Газете» продолжалась дискуссия по этой теме, но только смерть Сталина позволила в 1954 году — в качестве одной из самых первых реформ хрущёвской «оттепели» — покончить с раздельным обучением и объединить мужские и женские школы.

Сегодня в печати время от времени вновь поднимают вопрос о введении раздельного обучения (в связи с ранними беременностями и браками). В. Н. Колбановский доказывал, что раздельное обучение наносит вред нормальному, в том числе и половому, воспитанию юношества, что оно отбрасывает школу к дурным традициям царской империи и изолирует её от мирового опыта европейских и американских школ.

Он одним из первых, наряду с И. С. Коном и С. И. Голодом, поднял вопрос о необходимости социологических и психологических исследований отношений полов и грамотного подхода к проблемам полового воспитания детей. В конце своей жизни В. Н. Колбановский обратился к очень актуальной теме — восстановление в правах такой серьёзной науки, как социальная психология. Совместно с известным историком Б. Ф. Поршневым он издал в 60-е годы первую книгу по этой проблематике, а в 1967 году на Всесоюзном совещании социологов в г. Сухуми был сопредседателем (совместно с грузинским психологом, профессором Прангишвили) секции «социальная психология» и докладывал о ней на пленарном заседании. Это было одно из его последних выступлений. Из жизни мой отец ушёл в 1970 году — сказала застарелая контузия времён гражданской войны (неоперабельная опухоль мозга).

В моей семье царила атмосфера дружеских отношений между родителями и детьми. Естественно, авторитет отца был велик, и всё делалось, чтобы он мог спокойно работать в своём кабинете. Стены его составляли шкафы и полки набитые научной и художественной литературой того времени. Было здесь и первое издание Большой Советской Энциклопедии, где отец работал вместе с О. Ю. Шмидтом и вёл психологический отдел. Шкафы и мебель, в основном, были «казённые», имели бирки Института Психологии и после войны были туда и сданы. Это была достаточно «спартанская» обстановка интеллигентской семьи 30-х годов. Единственной «роскошью» было то, что в коммунальной квартире на ул. Кропоткина (Пречистенка) мы имели три комнаты — кабинет для отца, столовая для матери и сестры и восьмиметровая комната для меня. Библиотека моего отца составлялась в 30-е гг., старых социологических публикаций (о которых ты спрашиваешь) в ней не было.

В. Н. Колбановский оставил положительный след в философской и социально—психологической науке 1930—60 гг. Этой оценке противоречит один абзац в повести Д. Гранина «Зубр» («Новый мир», 1987 г.), где он выведен в образе ортодоксального философа—реакционера, который одновременно громил и генетику и кибернетику; в образе, достаточно близком к персонажу А. Райкина, который читает лекцию: «Хенетика — продажная девка империализма». Тогда же, в 1987 г. я обстоятельно исследовал этот вопрос, консультировался с крупными генетиками, знавшими моего отца, и получил следующие результаты:

1. Мой отец не участвовал в пресловутой сессии ВАСХНИИЛ 1949 г., где произошел полный разгром научной генетики. Десятью годами раньше в 1939 г. в журнале «Под знаменем марксизма» он опубликовал обзор дискуссии при журнале, в которой состоялось открытое противоборство сторонников Н. И. Вавилова и Лысенко. Дискуссия еще носила «академический» характер, и сторонникам Лысенко (в частности Презенту) были выдвинуты весьма серьезные теоретические возражения.

2. В начале 50-х гг. с теоретическим анализом претензий кибернетики на универсальное решение философских и психологических вопросов выступили видный психолог профессор М.Г. Ярошевский («Литературная газета», 1952 г.) и В. Н. Колбановский («Вопросы философии» 1953 г.). Именно, не сама кибернетика, а ее чрезмерные претензии на универсальность подверглись в дальнейшем (во всей второй половине XX в.) научной критике и привели к рождению более фундаментальных наук — информатики и синергетики. Обвинение философам и психологам в том, что они «остановили» развитие кибернетики в нашей стране, является достаточно шатким. Теоретико-математическое обоснование кибернетики развивали с начала 50-х гг. А. А. Ляпунов, С. Л. Соболев и др. Первые вычислительные машины появились в 1951–1952 гг. Независимо ни от каких идеологических веяний, кибернетика получила прикладное применение, в первую очередь в «оборонке», ее подлинным «отцом» в нашей стране является академик Аксель Иванович Берг, опиравшийся на мощную поддержку генералов и адмиралов Советской Армии и Флота. В 1950 гг. В. Н. Колбановский неоднократно встречается с академиком А. Н. Бергом, они обсуждают и находят общий язык по философским и психологическим проблемам кибернетики. В конце 50-х гг. В. Н. Колбановский является соавтором и редактором сборника «Философские проблемы кибернетики», где, в отличие от многих философов, критически анализирует эволюцию собственных взглядов на этот вопрос. После выхода повести «Зубр» я послал Д. Гранину свое обстоятельное исследование о позициях моего отца по поводу генетики и кибернетики (весна 1987 г.). К сожалению, ответа на мое исследование я не получил.

В твоей статье о становлении советской социологии сказано, что ты учился в одной из лучших московских школ. Пожалуйста, расскажи подробнее о школьных годах...

Моя школа во втором Обыденском переулке (район Остоженки) отметила свое столетие. Она была основана в 1903 г. как женская гимназия. После революции, в 18–19 гг. здесь образовалась школа–коммуна. В 20-е гг. в ней проводились многочисленные педагогические эксперименты (сочетание образования с трудом учеников и т.д.). В 30-е она получила наименование Московской опытно-показательной школы им. П.Н. Лепешинского.

Во второй половине 30-х годов это уже не была та школа-коммуна, какой она задумывалась её организаторами. Надо сказать, что мы, ученики 30-х годов, практически ничего не знали из истории школы, из её опыта и исканий. Встречи с выпускниками школы не проводились. Видимо предыдущие «чистки» и разгромы школы (я имею в виду отстранение её основателя и первого директора) не позволяли говорить о традициях и истории школы. Но несмотря ни на какие чистки и разгромы, школа сохранила свой первоначальный «энергетический импульс», свой замечательный дух дружелюбия и демократизма в отношениях между учениками и учителями, какой воцарился в ней с первых лет её существования. Помню единственную нашу встречу со старым большевиком Пантелеймоном Николаевичем Лепешинским. Было это в ленинский день в январе 1940 года. Лепешинский принадлежал к так называемой «ленинской гвардии» — был в ссылке с Лениным в Шушенском и в эмиграции в Швейцарии, входил в число «твёрдых искровцев». После революции не занимал особенно крупных постов (кроме наркомпросовских) и его миновали репрессии, которые Сталин особенно рьяно направлял против «старых большевиков».

Лепешинский — белый, как лунь старик (ему было за 70 лет) в этот день ничего не говорил нам об истории школы — коммуны, а рассказывал ярко и интересно о Ленине в ссылке и эмиграции. Сейчас я понимаю, что перед нами был человек давно ушедшей эпохи, человек, которому позволялось говорить не то, что он думает о нашем времени, а только «от и до» — о славных деяниях обожествляемого основателя большевизма —

и ни о чём больше! Уже в 1920 году тоже «старый большевик» Л. Б. Красин сказал: «Наша партия состоит на 10% из идеалистов и на 90% из карьеристов». Перед нами был «последний из могикан», тот, который принадлежал к «идеалистам».

Можно ли было назвать нашу школу, говоря современным языком, «элитарной»? И да, и нет. В ней учились дети и рабочих, и служащих, и новой советской интеллигенции, так что она была весьма демократичной (и в этом смысле типичной) московской школой. В ней не было никаких «поборов» со стороны администрации и «спонсорства» со стороны богатых родителей, что характерно для множества современных школ. Но так как школа находилась в историческом центре Москвы и тяготела к Кремлю и Дому Правительства («Дом на Набережной»), то часть её контингента составляли дети высокопоставленных и известных родителей – членов Правительства, высших военных, крупных учёных, прославленных артистов и т. д.: Микояна, Жданова, Карахана, Петерсона (комендант Кремля), С.А. Лозовского (зам. наркоминдела), Гинзбурга (нарком строительства), П. Л. Капицы, Рубена Симонова, Бориса Щукина, А.С. Пирогова и многих других.

Только в этом смысле наша школа была «элитарной» и сопоставима с другой – 110 школой им. Фридьофа Нансена (Б. Никитская), в которой учились дети Сталина и командиров Красной Армии, расстрелянных по процессу Тухачевского.

... Я помню, как в Обыденском переулке, не доезжая до школы, останавливался большой чёрный «правительственный» лимузин и из него высыпали дети Микояна «мал мала меньше» – как мы шутили тогда. На машине они приезжали только когда возвращались с дачи, обычно ходили из Кремля пешком. Были они очень славными ребятами, без тени зазнайства. Известен только один случай, когда кто-то из Микоянов нагрубил учительнице и гордо сказал: «Я – Микоян!». Узнав об этом, Анастас Иванович снял ремень и выпорол сына, приговаривая: «Это я – Микоян, а не ты Микоян. Это я – Микоян, а не ты Микоян!».

Элитарность школы проявлялась и в том, что ведущие московские артисты взяли над ней шефство: вахтанговцы устраивали концерты, сбор от которых шёл на улучшение питания и помощь ученикам, артисты Большого театра (Политковская) вели занятия по ритмике и танцам, крупные военные теоретики (генерал-майор Н.А. Таленский) и дипломаты (С.А. Лозовский) рассказывали детям о «текущем моменте» и внешней политике (уже начиналась вторая мировая). Вот, пожалуй, и все основные позиции «элитарности», которые можно отметить в МОПШК. Сюда, конечно, надо добавить постоянное внимание со стороны Наркомпроса, которым школа пользовалась как опытно – показательная, но это уже вытекает из самого «определения» школы.

Мне хочется ещё отметить, что к этому времени советская школа переболела многими «детскими болезнями» 20 годов. Эти болезни описаны в «Республике ШКИД» (чего стоит одна трагическая фигура Викниксора – известного педагога Виктора Николаевича Сорокина!), в «Дневнике Кости Рябцева», в «Двух капитанах» Каверина, в «Педагогической Поэме» Макаренко. Уже миновало то время, когда учителей уничижительно называли «шкрабами» (школьными работниками) и всячески изводили на уроках. Уже истощились опыты ребячьего самоуправления, противостоящего педагогическому коллективу.

Наша школа середины 30-х годов была школой того периода, когда уже закончились многие реформаторские искания 20х годов, но ещё не осуществлялось то «оказывание» школы, которое интенсивно происходило в послевоенный период – тогда сталинское руководство вытравило дух вольномыслия и ереси из любых сфер науки и образования. Наша школа готовила грамотных людей, патриотов и убеждённых антифашистов – вот почему так велик список её учеников, павших смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной войны!

Это была *славная* школа! Она имела богатую историю и традиции, опытный и образованнейший по тем временам педагогический коллектив, просторные классы и огромный школьный двор – сад. Это была *демократическая* школа – она свободно соединяла детей рабочих и служащих, артистов и писателей и, так называемых, «ответственных работников» – наркомов и генералитета. Это была *добрая* школа – она прикрывала своим крылом детей из семей «врагов народа». Никто в этой школе не чувствовал себя отщепенцем.

И надо сказать: они своего добились – наши учителя!!!

Они вырастили поколение людей свободных и смелых духом, с твёрдым нравственным стержнем – то поколение, которое противостояло фашистской чуме в Великой Отечественной войне, то поколение, которое стало питательной средой «шестидесятников», то поколение, которое пробивало пути к духовному, нравственному и социально – политическому освобождению и возрождению России.

Что можно сказать об учителях?

Во-первых, они были высококлассными специалистами своего дела. У каждого из них за плечами была подготовка в российских университетах и институтах довоенного времени или послереволюционной поры, а это значит, что сами они были учениками выдающихся деятелей российской науки.

Во-вторых, они не только прекрасно знали свой предмет, но и любили свою науку, умели талантливо и не догматически передавать её детям.

В-третьих, они любили и уважали само детство, никогда не третировали и не унижали с высокомерием своих учеников, обращались с ними достойно – не как высшие с низшими, но как старшие с младшими.

И, наконец, в-четвёртых, они были личностями – яркими, крупными, самобытными. У каждого из них за плечами была богатая биография, может быть и неизвестная нам, но проявляющаяся в их речах и поступках так, что самой своей личностью влияли на нас.

Интегральной суммой всего этого было то, что мы любили свою школу, гордились ею, и учителя и ученики, а это невозможно, не будь в ней такого слаженного, даровитого и гуманного в своей основе педагогического коллектива.

Мой друг, талантливый скульптор Даниэль Митлянский поставил два памятника в Москве. Один из них – на фронтоне помянутой мной 110 школы им. Фридьофа Нансена. Четыре тонкие фигуры – три юноши и девушка, одетые в солдатские шинели, с винтовками и подсумками на плечах – это памятник всем тем мальчишкам и девчонкам, кто ушёл из московских школ и не вернулся с фронтов Отечественной войны. Другая скульптура Даниэля Митлянского «Пронзённый Пегас» поставлена недалеко от музея А.Д.Сахарова. Пегас – олицетворение мысли и творчества – летит над взрывами, над искалеченными грудями металла и его пронзают взрывы. Как пояснял сам скульптор: «Пегас символизирует Дух, и его не могут остановить взрывы».

Свой памятник Д. Митлянский посвятил российской интеллигенции. Злые языки утверждают, что это надгробие интеллигенции, поскольку таковой не осталось в природе. Но я думаю, что это глубокое заблуждение. Памятники Д. Митлянского могут стоять у любой из московских, да и любой российской школы, ибо именно эти школы породили поколение победителей в Отечественной войне, и именно они производят и воспроизводят российскую интеллигенцию и сохраняют её традиции.

Такое ощущение, что ты – из тех, кого Анатолий Рыбаков назвал «детьми Арбата». Какими ты запомнил предвоенные годы?

Мы, наша школа, были детьми Арбата. Не случайно так называется книга ученика нашей школы, писателя Анатолия Рыбакова. Один из лучших, а, может быть, и самый

лучший поэт нашего поколения Булат Окуджава писал: «Арбатство, растворённое в крови неистребимо, как сама природа».

Я позволю себе привести собственные стихи, посвящённые Старому и Новому Арбату:

«Только славен Арбат
Не домами — башнями,
А ватагой ребят,
Что из дня вчерашнего,
Что ушли в сущий ад
С Королёвым Лёньюкою
И у школ стали в ряд,
Бронзовые, тонкие...
...Строй домов, строй громад,
Наважденье времени...
Был Отчизной Арбат
Редкостного племени —
Из когорты из той,
Где не купишь каждого
Никакою деньгой,
Никакою лажею...»

В этих стихах — при всей их поэтической непритязательности — обозначены исторические и нравственные координаты того поколения, отрочество которых кончилось с первыми залпами войны, а юность совпала с самой суровой порою.

Мне остается добавить, что, хотя, я и могу причислить себя к «детям Арбата», но только к более поздней возрастной когорте, чем описанной А. Рыбаковым: от поколения, окончивших школу до 1941 года, осталось крайне малое число — всех забрала война.

Это было время великих сталинских «чисток»...

Я помню как единственный раз в жизни (кроме трибуны Мавзолея) видел Сталина. Это было 22 января 1937 года. Отец получил пригласительный билет и взял меня с собой в Большой Театр, где происходило траурное собрание к дате смерти Ленина. Театр был наводнен деятелями в мерлушковых «кубанках» — это была форма НКВД того времени. О чем-то вещал докладчик из музея Ленина. В президиуме было все Политбюро тогдашнего состава. Сталин сидел позади всех, отделенный от них рядами стульев. Сидел совершенно один. Никто к нему не подходил. Голова его была наклонена, и он был предельно мрачен...

Только потом, многие годы спустя, стало понятно, что он готовил чудовищный переворот и в самой партии, и во всей стране. Надвигался февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б), где должен был быть запущен кровавый маховик репрессий.

Семен Захарович Гинзбург был наркомом строительства СССР. Впоследствии он рассказывал сыну — нашему однокласснику — Алеше Гинзбургу, что первоначально доклад «о вредительстве» Сталин пытался навязать Серго Орджоникидзе. Когда наркомтяжпром понял, что речь идет об избиении и истреблении выращенных им капитанов индустрии, он категорически отказался. Произошли бурные столкновения со Сталиным, а 10 февраля — самоубийство, а может быть и убийство Серго. «Сэрдце слабое, сэрдце не выдержало», — лицемерно говорил Сталин Зинаиде Орджоникидзе.

Доклад на Пленуме сделал Молотов, а погромную речь против «троцкистских и иных двурушников» произнес Сталин. Тут же на Пленуме подвергся гражданской казни и арестован Н. И. Бухарин.

Конечно, всего этого мы тогда не знали. В день первых выборов в Верховный Совет СССР — 12 декабря 1937 года мы всем четвертым классом дружно маршировали по пустынным переулкам Остоженки. Мы несли плакаты, призывающие голосовать

за всенародного кандидата в депутаты товарища Сталина. О том, что существует норма не агитировать в день выборов тогда и слыхом не слыхивали. Само голосование состоялось в 6-7 утра – это было «демонстрацией патриотизма».

...Помню как в 37 году нас засадили писать сочинение о замеченных нами «враждебных вылазках». Душой этого дела был «прикрепленный» Комсорг школы некто Николай Петрович – весьма неприятная личность. Из нас хотели сделать маленьких «стукачей», доносчиков на родителей и их знакомых. Ничего, конечно, из этой затеи не получилось – даже маленькие школьники, мы были исполнены отвращением к «ябедничеству» и доносам. Но характерна сама попытка вызнать о родителях через детей.

В августе 39 года заключен пакт Молотова-Риббентропа (фактически договор Сталина – Гитлера о разделе мира на сферы влияния). Мы, школьники 6 класса, остаемся на позициях непримиримого антифашизма – Гитлера иначе как «маляром» не называем... Финская кампания 39-40 гг., атаки на «линии Маннергейма», «незнаменитая война», правды о которой мы не знали... Весна и лето 40-го – разгром Франции и захват Гитлером Западной Европы... Война подкатывается все ближе... «Завтра была война».

Весной 41 года мы окончили 7 класс. Дальнейшие наши судьбы определила война. Я уехал вместе с семьей в эвакуацию в г. Казань. Мне посчастливилось попасть в одну из лучших школ этого города №19 им. Белинского. Там был и прекрасный педагогический коллектив, и замечательные ребята, и «любимая учительница» – преподаватель истории Надежда Евгеньевна Козырева. Это лишний раз убеждает меня, что наша МОПШик, хотя и была выдающейся школой, но рядом с ней и вместе с ней предвоенное и военное поколение воспитывали сотни и тысячи замечательных школ, душой и сердцем которых был один и тот же персонаж, и имя ему – российский учитель.

Мне хотелось бы закончить воспоминания о школе следующим: общеизвестно популярное присловье XIX в.: «В битве при Садовы победил прусский учитель». Еще с большим основанием можно сказать, что в битвах под Москвой, Ленинградом, Сталинградом и Берлином, в Великой Отечественной войне победил российский народный учитель!

В годы войны в Казани были многие московские институты, почему ты предпочел историко-филологическое образование? В силу каких обстоятельств потом склонился к философскому? И вообще, вспомним студенческий период...

В Казани, действительно, было много институтов, но в силу своих, видимо врожденных, гуманитарных склонностей я выбрал историко–филологический факультет КГУ (философского в университете не было).

В ЛГУ я учился всего несколько месяцев (февраль – май 1945г.), однокурсников практически не помню. Хорошо помню блистательного профессора Б. Г. Ананьева, который начинал читать лекцию еще в коридоре, затем входил в аудиторию и весь академический час изливал поток сложносочиненных фраз и сложносочиненных слов, которые для него были «нормальным» языком психологии, а для нас, неофитов, почти что китайской грамотой.

В МГУ мне более трех лет довелось учиться у таких прекрасных специалистов, как О. В. Трахтенберг (медиевист), М. Ф. Овсянников (философия нового времени), Т. И. Ойзерман (на семинаре у него я делал доклад о Фейербахе). Лекции по социологии читал профессор Марк Петрович Баскин. Это был один из немногих «уцелевших» представителей российской социологической школы. В 20-е гг. он имел возможность учиться у некоторых социологов, получивших профессиональную подготовку до революции. Нам он читал курс зарубежной социологии – весьма подробно и обстоятельно по источникам, но вполне в духе «зубодробительного» времени 40-х гг.

Я допускаю, что твой отец рассказывал тебе о том, что в России до революции и в первые постреволюционные годы проводились социологические исследования, возможно в его библиотеке сохранились какие-либо социологические публикации. Так ли это?

Мой собственный интерес к социологии возник скорее из самостоятельной работы над английской литературой 30–40 гг. — представителями «фабианского социализма», «демократического социализма» Гарольда Ласки и др.

Часть 2. (Вопросы от 4 марта 2013.)

В значительной степени они навеяны содержанием интервью с Г.В. Осиповым, состоявшемся 19–20 ноября 2012 года. В частности, Осипов говорил о статье Колбановского о социологических законах).

Как у тебя возникла идея написания этой статьи?

Моя статья «О предмете марксистской социологии» появилась на свет в августе 1958 г. («Вопросы философии» № 8). Прошло всего пять лет, как кончился период «сталинщины» и эпохальных трудов догматического марксизма «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». Прошло всего два года после XX съезда КПСС. Состоялись и были жестоко подавлены движения против тоталитаризма в ГДР (1953 г.) и Венгрии (1956 г.). Период хрущевской «оттепели» простирается от 1953 г. по 1964 г. Таким образом, дискуссия в «Вопросах философии» состоялась в середине этого периода, когда уже созрели новые идеи и веяния в общественной мысли, но еще не могли полностью оформиться и легализоваться. В «Вопросах философии», помимо «зубров» официозного марксизма, в те поры уже работали такие «незашоренные» молодые теоретики как Э. Араб-Оглы, Г. Арбатов, Н. Лапин, Э. Соловьев и др. Более чем вероятно, что дискуссия о социологии в этот период была именно их инициативой.

Поводом для дискуссии явилась статья Юргена Кучинского «Социологические законы» («Вопросы философии», 1957, № 5). Ю. Кучинский — социолог и экономист из ГДР, автор большого цикла работ о положении рабочего класса в Англии и других странах 3. Европы. Он — социолог традиционного марксистского направления, придерживается классической работы Ф. Энгельса, но постоянно анализирует огромный экономический и статистический материал. Ряд его книг были переведены и опубликованы у нас в 50-е гг. издательством «Иностранной литературы». Его политическая и научная репутация не вызвала особых опасений ортодоксии. Именно поэтому его статья могла быть опубликована в ведущем и единственном тогда философском журнале.

Предваряя все дальнейшее изложение, хочу подчеркнуть, что смысл статьи Ю. Кучинского и дискуссии вокруг нее состоял в легитимации самого понятия социологии и определенном «отмежевании» или «отпочковывании» ее от социальной философии сиречь исторического материализма.

Необходимо отметить следующее. Всего десять лет назад (на философской дискуссии в ЦК ВКП(б) 1947 г.) прозвучал тезис об «отпочковывании» конкретных наук от философии — процессе, прогрессивном как для конкретных наук, так и для самой философии: Озвучил этот тезис «главный идеолог» А. А. Жданов, но его подлинным автором был академик Б. М. Кедров, который и разрабатывал потом эту позитивную идею в Институте истории естествознания и техники АН СССР.

Вопрос об «отпочковывании» социологии от философии в СССР стоял особенно сложно. «Легитимными» в период 50-х гг. были понятия буржуазная социология (как ненаучная и сервильная империализму) и марксизм (= «исторический материализм») как единственно научная социология. Это повелось еще с первой работы В. И. Ленина в полемике с Михайловским («Что такое друзья народа» и т. д.), было продолжено Н. И. Бухариным в 20-е гг., философами ИКП вначале 30-х гг. и канонизировано Сталиным в «Кратком курсе». Таким образом этому установившемуся «легитимному порядку» (коренившемуся в глубоко иррациональном понимании марксизма как непререкаемой «светской религии») надо было противопоставить некоторую другую – более гибкую и лабильную систему взглядов, которая бы рассматривала советскую социологию не как общеполитическую, а как конкретную общественную науку с собственным теоретико-понятийным аппаратом и методико-эмпирической базой. Как это можно было сделать в условиях поздней (послесталинской) идеократии?

Никакие лобовые атаки, никакие «полипарадигмальные подходы» были в этот период абсолютно невозможны. В ЦК КПСС, в его отделах науки, агитпропе, идеологическом отделе сидели бесконечно бдительные социальные цензоры, охранители и попросту «стукачи», которые особенно были натасканы на философскую и социологическую «ересь» супротив марксизма. Более того. Ортодоксальный истмат переживает в 50-х гг. эпоху своего высшего расцвета и торжества. С начала 30-х г. по середину 50-х г. не появилось ни одного учебника по истмату. В философских сборниках разрабатывались только отдельные его категории со ссылками на вящее торжество марксизма в сталинско-советской действительности. От середины 50-х гг. появляется учебник «Основы марксистско-ленинской философии» под редакцией Ф. В. Константинова, учебник «Основы марксизма–ленинизма» под редакцией члена Политбюро О. В. Куусинен¹, книга Г. Е. Глезермана «Законы общественного развития» и т.д. Второй важной особенностью этого периода было изменение организационных условий идеократии: а) исчезла тяжкая длань последнего живого классика марксизма, который мог обрушить свой державный гнев на любого «ортодокса», б) сами истматчики «вошли во власть»: Ф. В. Константинов возглавил агитпроп ЦК КПСС, Л. Ф. Ильичев стал секретарем ЦК, Г. Е. Глезерман стал ведущей фигурой в главном теоретическом журнале партии «Коммунисте» и т. д. Иными словами, они заменили собой верховного иерарха коллективной идеократией.

В этих условиях работа по отпочковыванию социологии от философии могла происходить только на почве истмата, в категориях истмата и в форме защиты, углубления и развития самого истмата. Необходимо было найти *modus vivendi* – форму сосуществования истмата и социологии. Поиски этой формы прошли несколько этапов, но дискуссия в «Вопросах философии» 1957–1958 гг. фактически была первым этапом.

Статья Юргена Кучинского давала основания для новой, более гибкой легитимации социологии, хотя оперировала она совершенно ортодоксальными марксистскими категориями и чисто формально была направлена на «дальнейшее совершенствование» и упорядочение этих категорий.

Каковы основные положения статьи Ю. Кучинского?²

Понятие «закон» определяется по Ленину: «отражение существенного в движении универсума» (Филос. тетр. 1997, с. 127).

Существуют законы, общие для всех трех сфер действительности: природы, общества и мышления, – и законы, распространяющиеся лишь на какую-либо одну ее сферу или на часть сферы (законы химии, политической экономии, диалектической

¹ Менее ортодоксальный, т. к. в нем принимали участие А. Асмус, Г. Арбатов, И. Кон, Ф. Бурлацкий и т. д.

² Кучинский Ю. Социологические законы // Вопросы философии 1957, № 5. С. 95-100

логики).

Наукой, изучающей эти самые общие законы (наряду с другими) является марксистская философия (= «диалектический материализм»).

Помимо того, существует еще ряд законов, которые выражают отношения между названными тремя сферами, а так же отношения между частями этих сфер. В тех случаях когда рассматриваются отношения между сферой общества в целом и сферами природы и мышления мы имеем дело с законами исторического материализма (подч. мной В. К.). Пример: отношение общественного бытия к сознанию (формула Маркса).

Когда рассматриваются отношения между частями общественной сферы и одной из двух сфер или отношения между различными частями общественной сферы, законы этих отношений надо назвать социологическими (подч. мной В. К.). Примеры: а) законы регулирующие отношения между естественным ростом населения и развитием производительных сил, б) законы, определяющие общие отношения между общественным сознанием и мышлением являются социологическими законами. Важнейшими социологическими законами являются закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил, закон соответствия базису идеологического содержания общественного сознания и учреждений надстройки.

В статье Ю. Кучинского ставится вопрос о соотношении экономических и социологических законов: первые по своей действенной силе имеют преимущество по сравнению с социологическими законами, но в процессе общественного развития бывают такие особые обстоятельства, когда социологические законы господствуют над экономическими законами. Подобные обстоятельства имеют место в периоды перехода от одного общественного строя к другому.

Все это не дает право подчинять политическую экономию социологии или же считать социологию одной из отраслей политической экономии. «Социология является совершенно самостоятельной наукой» — таков один из главных выводов статьи «Социологические законы».

Что (через столетия) обращает на себя внимание в положениях Ю. Кучинского?

а) они вращаются строго в рамках категорий традиционного марксизма в «сталинской упаковке»,

б) они не привлекают и не используют никакой другой опыт развития мировой социологии,

в) но они пытаются разграничить поле действия законов философских, истматовских и собственно социологических,

г) они вычлняют из области истматовских законов солидную толику общих законов сферы общества и частных законов отдельных ее компонентов как законов собственно социологических и декларируют право социологии как самостоятельной науки.

В последних двух моментах и заключается на современный взгляд позитивное содержание статьи Ю. Кучинского, хотя сами примеры социологических законов безнадежно устарели.

Как была воспринята эта статья в СССР в самой середине «оттепели»?

В принципе, она была воспринята положительно и отнюдь не рассматривалась как «ересь» против марксизма. В дискуссии 1957–1958 гг. приняли участие философы и экономисты, в т. ч. В. Ж. Келле³.

³ К сожалению, копии его статьи у меня нет. Был ли «диалог» с ним? Беседа Б. Фирсова с ним приводится в книге «Разномыслие 50-60 гг.»

Моя статья «О предмете марксистской социологии» появилась в «Вопросах философии» примерно через год после начала дискуссии (№8 за 1958 г., с. 126-130).

В чем заключались основные положения статьи? В ней я не отрещивался от исторического материализма как с завидной легкостью это сделали многие обществоведы в 90-е годы. Материалистическое понимание истории считаю великим научным открытием, фактически первой опорой того универсального эволюционизма, второй опорой которого стал дарвинизм в науках об органической материи, третьей – теория относительности А. Эйнштейна и теория самоорганизующихся систем И. Пригожина – для неорганической материи.

Другое дело, что сама «парадигма» материалистического понимания истории имеет не вечный и вневременной, но исторически преходящий характер, и с необходимостью сменяется другой, еще более точной и универсальной «парадигмой». Позитивным в содержании статьи я считаю разделение истмата на две области – общую и отдельные. Позволю себе привести обширную выдержку:

«Сама обширность исторического материализма ... заставляет различать его общие и отдельные области. Материалистическое понимание истории изучает наиболее общие законы и категории общественного движения. Здесь необходима значительная степень абстракции, отход от конкретного материала и многообразие фактов, обобщение главного, устойчивого, типичного в общественном движении. Другая область исторического материализма – это изучение конкретного исторического материала, изучение специфики отдельных формаций, отдельных общественных явлений в строго определенных исторические периоды. Это изучение ведется на основе методологии исторического материализма. Оно должно не ограничиваться внешней фактической стороной явлений, а вскрывать наиболее глубокие закономерности, которые обусловили развитие и изменение изучаемого предмета. Это область к о н к р е т н о г о исследования есть необходимая область марксистской социологии. Задача марксистской социологии – изучение общества в целом, неразрывно связанная с изучением его отдельных частей, отдельных классов, отдельных общественных явлений на данном, исторически определенном этапе их развития.

Если исторический материализм охватывает в с е общественное движение за весь период его существования, то особая область исторического материализма прослеживает конкретные экономические, политические, идеологические условия в которых живет и развивается общество в каждой данной формации и при переходе от одной формации к другой» (с. 126).

Изложенные выше положения были подкреплены (фундированы) – как это требовал «этос» того времени – ссылкой на великого классика: «Маркс в предисловии к «Капиталу» говорит о двух стадиях исследовательской работы и о соотношении конкретного и абстрактного, исторического и логического в этой работе «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена может быть надлежащим образом изображено действительное движение» («Капитал», 1951, т.1, с.19).

Употреблю расхожее ироническое выражение: «Бросая ретроспективный взгляд в прошлое» или, проще говоря, смотря на полстолетия назад, я вижу следующее: в положениях моей статьи уже заложено размежевание и разграничение истмата как общей теории, как социальной философии и не эмпирической науки – и другой его «отдельной» стороны – области конкретных социологических исследований, области эмпирической науки. Именно это различие теоретической и эмпирической стороны истмата послужило основанием для более точного определения предмета социологии в дискуссиях 1960–1970-х гг. Но даже такая постановка вопроса, которая содержалась в моей статье 1958 г. требовала определенных защитных средств.

В 1961 г. академик Ю. П. Францев напомнил мне изречение Анатоля Франса: «Я всю свою жизнь только тем и занимался, что заворачивал динамит в папильотки». Социологам моего поколения на весь период 1960—1980-х гг. постоянно требовалось «заворачивать динамит в папильотки» — а ими служили формальное признание лексики и «клише» марксистской ортодоксии. В этом духе были написаны следующие мои критические инвективы в адрес Ю. Кучинского:

1. Нельзя противопоставлять и отделять законы исторического материализма и социологические законы. Здесь поистине не надо двух слов, двух понятий, ибо они тождественны. От тесной связи со своей теоретической базой — материалистическим пониманием истории — социология как наука не умаляется, а лишь укрепляется.

2. Следует различать наиболее общие социологические законы, характерные для всего общественного движения в целом, и специфические, частные социологические законы, характерные для нескольких или одной общественно-экономической формации.

3. Между социологическими и экономическими законами нет непроходимой пропасти. Социологические законы определяют весь естественно исторический процесс развития общества, а экономические законы — основу этого процесса, материальное производство. За спецификой этих законов нельзя не видеть их диалектическую связь и взаимообусловленность». («Вопросы философии», 1958, №8, с. 129).

Отмечу, что вопрос о «предмете социологии» получил дальнейшее развитие в сборнике ленинградских социологов под редакцией В. П. Рожина (1962 г.), в лекциях Ю. А. Левады (1968 г. «социология — конкретная эмпирическая наука»), в статье В. Ж. Келле в «Коммунисте» (с формальным участием Г. Е. Глезермана и Н. В. Пилипенко) об истинности, как общей социологической теории, о «допустимости» частных социологических теорий среднего уровня и о конкретных исследованиях как их общей эмпирической базе. В начале перестройки академик Т. И. Заславская «сняла» этот вопрос, указав на общее отставание и бедственное положение социологии в стране. Но он постоянно возникает вновь и вновь: а) в связи с огромными изменениями в социальном устройстве, как нашей необъятной родины, так и всей планетарной «ойкумены» и б) в связи с глубокими изменениями всей мировой науки в т. ч. социологии.

Как отнеслось к твоей статье твое окружение, били ли тебя за нее?

Отвечу кратко: никакого «окружения» в 1950-х гг. у меня не было. «Государственный антисемитизм» не иссяк после дела «врачей-убийц» и кончины Сталина. Он незримо господствовал все 50-е годы. Аспирантуру Института Философии я закончил в 1951 г., защитил кандидатскую диссертацию в январе 1954 г., но практически до 1959 г. пребывал «независимым исследователем». Единственно, к чему я был «допущен» — это семинарские занятия по философии в заочных и вечерних институтах. Только весной 1959 г. (после публикации нескольких статей и брошюр) я стал штатным сотрудником философской редакции издательства «Знание», а через год перешел на работу в сектор «новых форм труда и быта» Института Философии.

Единственным моим «окружением» в этот довольно печальный для меня период был Г. В. Осипов, с которым с 1952 г. — мы были в одной комсомольской организации. Постепенно между нами завязалась сначала человеческая, а затем и творческая дружба. В этот период Г. В. Осипов после обучения в МГИМО активно осваивал социологию. Он написал хорошую диссертацию, а затем книгу «Общество и технический прогресс», а в начале 60-х гг. «Современная буржуазная социология».

Во время одной из наших ночных прогулок по Старому (тогда перестраивавшемуся) Арбату мы обсуждали вопрос о предмете социологии. Тогда у него блеснула мысль, которую он тут же мне и поведал: «Социология – отдельная от истмата и самостоятельная наука. В своей книге я раскритикую тебя за твою статью в «Вопросах философии». Это он и сделал – потому что в этот период был гораздо «левее» и надо отдать ему должное – прозорливее меня. Допускаю, что работа с «кондовыми» истматчиками в должности Ученого Секретаря Института Философии (1955–1960 гг.) показала ему каким застойным болотом и мертвечиной был официальный истмат, претендовавший быть «единственно научной социологией».

Таким образом, реакцию на мою статью я получил от Г. В. Осипова, как «единственного» моего «окружения» в 50-е гг. Один из афоризмов Бориса Грушина: «При любых социальных потрясениях и катастрофах, Геннадий Осипов встанет, отряхнется и займет место на левом фланге». Это провиденье сбывалось по 70–80-е гг. В 90–2000-е гг. Г. В. Осипов передвигается слева – направо, в то время как оставшиеся «шестидесятники» твердо удерживают левый фланг!

Меня интересует роль «мамонтов-ортодоксов», которые, по словам Бориса Грушина, лежали на пути развития социологии, но – и это ясно – без которых ее не было бы. Не мог бы ты повспоминать и охарактеризовать роль таких людей, как П. Н. Федосеев, М. Т. Иовчук, Ф. В. Константинов, М. Б. Митин, Ю. Л. Францев, М. П. Баскин?

Обвинение, которое Борис Грушин открыто бросил в лицо марксистам-ортодоксам полностью звучало так: «Вы не стоите, а лежите на марксизме, причем не вдоль дороги, а поперек» (Первая часть фразы принадлежит Розе Люксембург). Это было в период открытой конфронтации между ортодоксией и молодой генерацией социологов во время «погромных» обсуждений «Лекций по социологии» Ю. А. Левады в АОН при ЦК КПСС – («глухая пора листопада» – осень 1969 г. – ИКСИ только только открылся и уже «попал под выездную». Более подробно – в книге воспоминаний о Ю. А. Леваде)⁴.

Начну с персоналий.

М. П. Баскин – был наиболее образованным, эрудированным и высококультурным из всей этой плеяды. Как я уже писал, он получил социологическое образование еще в 20-е годы и хорошо знал как мировую, так и отечественную классику. Но в своем лекционном курсе (который я слушал у него на философском факультете) он ограничивался такими «нейтральными» фигурами как Гумплович, Мечников, практически не касаясь Макса Вебера, Питирима Сорокина и др. М. П. Баскин был одним из моих оппонентов по моей дипломной работе 1948 г. о проф. Ласки (лейбористе).

Я помню, что М. П. Баскин всегда держался несколько отдаленно от ортодоксов марксизма и не участвовал ни в одной из их «погромных» кампаний. Тем не менее, его книга о зарубежной социологии могла увидеть свет только под титулом: «На службе англо-американского империализма». Свою последнюю работу в конце 50-х гг. Марк Петрович написал как предисловие к книге Г. В. Осипова о буржуазной социологии.

Академик Ю. П. Францев был еще более колоритной фигурой. Он был высоко и всесторонне эрудирован, т.е. читал в подлиннике не только Макса, но и Альфреда Вебера, был профессиональным социологом, религиоведом и международником в одной ипостаси. Но как заметил Юрий Карякин, недолгое время работавший вместе с ним в «Проблемах мира и социализма», Ю. П. Францев «в молодости был до смерти напуган большевиками». Поэтому он представлял своеобразный тип «авгура»:

⁴ Колбановский В.В. Глашатай российской социологии // В сб. «Памяти Юрия Александровича Левады. М. Изд. Карпов Е.В., 2011. С. 81-88.

он знал истинную цену ложным капищам и идолам тоталитаризма, он позволял себе подсмеиваться над ними, но никогда не выступал против них, не покушался на ортодоксию. Характерный пример: Стругацкие публикуют великий антитоталитарный роман – предупреждение «Трудно быть богом». Академик Ю. П. Францев выступает в «Известиях» (аджубеевских) с отрицательной рецензией, где на полном серьезе доказывает, что фашизм не может зародиться в феодализме, в средневековьи – не та формация! (К слову сказать, Генрих Манн в «Генрихе IV», Леон Фейхтвангер в «Лже-Нероне» великолепно пользовались этим приемом «остранения», помещая фашизм и «проскрипции» в эпоху Лиги, в императорский Рим). Ю. П. Францев, безусловно, был очень талантливый и разносторонний человек, не случайно он занимал посты ректора МГИМО, ректора АОН, шеф-редактора журнала «Проблемы мира и социализма», был первым председателем Советской Социологической Ассоциации. Но его дарование не могло развернуться в полной мере, т.к. он подчинил его «служению» тоталитарной партии-государству. Я помню, как горячо он ратовал за утопическую программу построения коммунизма в СССР к 1980 г. и как на принявшем эту программу XXII съезде КПСС он был избран членом ЦК КПСС. Наиболее подробно о Ю. П. Францеве написал Н. В. Романовский в журнале «СОЦИС».⁵

Остальная когорта – П. Н. Федосеев, М. Т. Иовчук, Ф. В. Константинов, М. Б. Митин – это в основном воспитанники и выходцы из Института Красной Профессуры. Они не имели и никогда не достигли того солидного социологического образования, которое получили М. П. Баскин и Ю. П. Францев. Их «боевой путь» был существенно иным. В ИКП по указанию Сталина необходимо было разгромить «меньшевиствующих идеалистов» (школа Деборина). М. Митин и П. Юдин были здесь особенно активны. Они же инициировали в 1932 г. «историческое постановление» партячейки ИКП о сопричислении И. В. Сталина к лику классиков марксизма. Деборин – единственный философ в АН СССР был снят со всех своих должностей и не публиковался в печати. В 1939 г. на выборах в Академию Наук по директиве ЦК проходят в состав академиков А. Ф. Александров и М. Б. Митин, в член-коррры – П. Юдин. В 40-е годы (уже после войны) академические звания получают Ф. В. Константинов и М. Т. Иовчук (опять таки, как видные работники или руководители идеологических отделов ЦК). В черные предпогромные дни дела «врачей-убийц» (январь-февраль 1958 г.) академик М. Б. Митин и обозреватель «Известий» Я.С. Маринин (Хавинсон) собирают подписи под письмом – обращением видных представителей еврейской интеллигенции к И. В. Сталину о необходимости массовой депортации советских евреев за Урал, в Сибирь, где для них уже готовились концлагеря. На отказ они наткнулись только у Ильи Эренбурга. В 40-е годы М. Б. Митин – ответственный редактор коминформовской газеты «За прочный мир, за народную демократию» и активно бичует «ревизионистов» в Югославии и других социалистических странах. П. Юдин – первый посол СССР в только что возникшей КНР и активный консультант и соредатор «эпохальных» трудов Мао Цзе-Дуна. В 50–60 гг. М. П. Митин – гл. редактор «Вопросов философии». Сотрудники Института философии отзывались о его деятельности в этот период достаточно доброжелательно. Но вот эпизод из заседания ленинградского отделения ССА в 60-е годы. В. Ядов и А. Здравомыслов докладывают первые результаты изучения отношения рабочих к труду. Ими было отмечено, что не для всех 100% советских людей труд является «первой жизненной потребностью». Присутствовавший на заседании академик М. Б. Митин кривился и морщился, а в заключительном слове сказал, что цифры бывают разные – правильные и неправильные, но Нам (т. е. политическому и идеологическому руководству) нужно, чтобы они были правильными «Вообще-то точные данные нужны, партия нуждается

⁵ Романовский Н.В. Первый президент ССА академик Г.П. Францев // Вехи российской социологии. СПб «Алетейя», 2010. С. 96-105.

в точных сведениях, но нам нужны такие данные, которые нам нужны. А тут получается, что рабочие недовольны работой» (Ленинградская социологическая школа, 1998, с.14).

В этом заключении проявилась вся противоположность двух поколений: молодые социологи стояли на позициях научной честности, объективности, доверия к фактам и выведения теории из фактов (так, как когда-то работали Маркс и Энгельс!). Поколение М. Б. Митина стояло на позициях догм и политической конъюнктуры, не обнажения, а затушевывания и замазывания реальных и все более острых противоречий и антагонизмов советской действительности.

Несколько слов об академике Ф. В. Константинове. Это был достаточно живой, демократичный и по-своему одаренный человек. Но одновременно он был весьма ретивый «охранитель устоев». Он активно и зло атаковал и обвинял Ю. А. Леваду. На статье Левады «фашизм» в «Философскую энциклопедию» он начертал резолюцию: «Это он о них или о нас?!» Столь же подозрительно он относился к В. Ж. Келле «с нами, а не наш» (Слова Ленина о Троцком).

В сороковые годы – секретарь партбюро Института Философии, проводивший борьбу с космополитизмом, в 50-е годы – зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, чем то не угодил Хрущеву и переброшен на пост гл. редактора журнала «Коммунист». Затем – в начале 60-х сменяет П. Н. Федосеева в должности директора Института Философии, в конце 60-х – на долгое время – становится академиком-секретарем отделения философии и права АН СССР.

Наиболее крупной научной заслугой Ф. В. Константинова является, по моему мнению, «Философская энциклопедия» в пяти томах. Здесь работали и публиковались философы, социологи, историки, логики старшего и младшего поколения. Основную работу вел зам. гл. ред. чл.-корр. А. Г. Спиркин, в состав редколлегии и консультантов входили В. Ф. Асмус, Б. Э. Быховский, Б. М. Кедров, П. В. Копнин, В. П. Тугаринов, И. С. Кон, Н. И. Конрад, А. Н. Леонтьев, Э. Г. Юдин, Б. В. Бирюков, публиковались Ю. А. Левада, А. Ф. Лосев и другие «опальные» мыслители. Редакторская длань Ф. В. Константинова конечно накладывала свой догматический отпечаток, тем не менее «Философская энциклопедия» – достаточно капитальный и серьезный труд, в определенной степени не утративший своего значения и до нашего времени.

Еще меньше могу сказать об акад. П. Н. Федосееве. Выходец из Горького (пединститут), он в конце 30 г. – Ученый секретарь Института Философии, затем работает в Управлении пропаганды и агитации ЦК КПСС, где «дорастает» до чл.-корр. АН СССР. В 1955 г. – директор Института Социологии, с начала 60-х гг. – академик-секретарь отделения философии и права, а затем – вице-президент АН СССР по секции общественных наук. При нем и благодаря его «попечительству» образован сектор «новых форм труда и быта» (Г. В. Осипов), организована ССА (Ю. П. Францев), проводится первое социологическое совещание в Ленинграде, где он выступает с заглавным докладом (1966). С 1967–1971 гг. на время становится директором ИМЭЛ, но уже в 1972 г. в связи с «опалой» А. М. Румянцева вновь – и на долгий срок становится вице-президентом АН СССР по общественным наукам. Только в 87–88 гг. – в период перестройки его сменяет на этом посту социолог-правовед В. Н. Кудрявцев.

Подобно тому, как обиходно выражение «карьерный дипломат» в советской действительности существовали и процветали «карьерные философы». К ним в своем большинстве (кроме М. П. Баскина и Ю. П. Францева) относятся все упомянутые выше и в первую очередь П. Н. Федосеев. В своих воспоминаниях Г. В. Осипов довольно подробно рассказывает как П. Н. Федосеев его «растил и выдвигал», учил «делать карьер», но затем «опалился гневом» за одно критическое выступление и стал третировать и притеснять.

В моей памяти академик П. Н. Федосеев сохранился как крайне ограниченный и крайне осторожный человек, отнюдь не «хватающий звезд с неба» и более всего

боящийся войти вразрез с «установками». Его труды о «реальном социализме» и т. д. имеют чисто архивное значение.

Теоретическое бесплодие и творческая импотенция были своеобразным «родовым клеймом» всей генерации «руководящих» философов 30–50-х гг. «В России все тайна, и ничего не секрет». Не было секретом и это обстоятельство для их идеологических хозяев – «небожителей» со Старой Площади. В письме А. Жданова на имя М. Суслова от 1948 г. говорится, что никто из философов – профессионалов «за тридцать лет советской власти не высказал ни одной новой мысли, которая вошла бы в сокровищницу марксистско-ленинской философии. Более того, никто из наших философов – профессионалов не высказал ни одной мысли, которая обогатила какую-либо конкретную область знания. Это в равной мере относится к Деборину и Митину, Юдину и Александрову, Максимову и Кедрову и всем остальным» (Цит. по Батыгину Г. С., Девятко И. Ф. Дело профессора З. Я. Белецкого. Эпизод из истории советской философии // Свободная мысль, 1993, №11).

Каждая идеология («как учит нас В. И. Ленин») имеет свои социальные игносеологические корни. Генерация советских философов была детищем Октябрьской революции, она верила и защищала великие идеалы этой революции, но она не сумела уразуметь и постигнуть социальную природу того общественного строя, который утвердился после Октябрьской революции. Это был и не социализм, и не диктатура пролетариата, и не общенародное государство. Это была самая низшая, примитивная форма частной собственности как коллективное владение господствующего класса и его ядра – аппарата партии – государства. Историк и социолог Ю. И. Семенов определяет такую форму как «азиатский (политарный) способ производства» или «индустрополитаризм». На индустриальной базе воскресают и реставрируются самые архаические и насильственные формы угнетения человека человеком. Это сумел разглядеть в период 1917–1921 гг. Питирим Сорокин. Это не сумели разглядеть – за все 74 года Советской власти ортодоксальные философы – марксисты. В обществе политарной (коллективной частной собственности) с необходимостью возникает жесткая кастово-сословная иерархия, высшие этажи которой занимают сановники и дворянство, средние – жрецы и духовенство. Функция «второго сословия» или касты – идеологическая защита существующего строя и воспитание народных масс в духе его священной или светской религии. Такой «светской религией» был в СССР марксизм-ленинизм, а первая генерация советских философов – ее верными адептами и жрецами. При этом их нельзя назвать «сикофантами», т.е. людьми, которые знают истину, но тщательно ее скрывают. Думаю, все они достаточно искренне верили в то, что работают на благо революции и для вящего торжества марксизма-ленинизма.

Трагедию этого поколения очень точно выразил Александр Фадеев в своем предсмертном письме после XX съезда: «Я всю жизнь думал, что стою часовым возле Храма, оказалось – возле Нужника!»

Точно так же обстоит дело с так называемыми «гносеологическими корнями». Эта генерация всю жизнь думала, что ратует за материализм, диалектику и научное понимание коммунизма. В действительности ее позиция была не чем иным, как «превращенной формой» идеализма, софистики и самого безудержного социального утопизма. Противоречие метода и системы привело Гегеля к «измене диалектики», к воплощению и завершению Абсолютной Идеи в прусской монархии и гегелевской философии. Точно так же противоречие метода и системы, заложенное еще родоначальниками марксизма, привело ведущих советских философов к «измене» материалистической диалектике и основным принципам научного исследования. Марксов материализм настоятельно требовал выведения теории и принципов из реальной действительности, из конкретных фактов, из социальной статистики. Советские философы подчиняли действительность основополагающим указаниям

товарища Сталина и «историческим решениям» съездов ВКП (б), КПСС и пленумов ЦК! Чего стоит теория об «отмирании» государства через его неимоверное усиление, программа скоростного строительства коммунизма за 20 лет, теория об отмирании классов «в главном и основном в исторических рамках «зрелого социализма»! Это есть не что иное как материализм и диалектика «наизнанку», как величайший «отлет» от действительности, как навязывание социуму собственных социальных фантазий и утопий, как глубочайшее непонимание и игнорирование тех реальных социологических законов, которые в действительности управляют развитием общества. Очень печально говорить об этом, но первая генерация советских философов в значительной степени впустую, бессмысленно и бесследно растратила свои силы и способности на защиту и апологетику того социума, который на проверку оказался оруэлловским «скотным двором».

В вопросе упоминаются «мамонты – ортодоксы», которые лежали на пути развития социологии, но без которых ее не было бы. Отвечу на это кратко, т. к. затрагивал эту тему в статье «К истории постсталинской социологии».

После 1953 г. у партократического руководства изменилась «установка», требовались активные контакты с внешним миром, объединение совсем «прогрессивным человечеством», наступательная борьба с буржуазной идеологией, в т. ч. философией и социологией. Логика рассуждения была такова: если мы обладаем самой передовой в мире теорией, ее так сказать суверенные владельцы на 1/6 земного шара, то мы должны побеждать в социологических турнирах и вышибать из седла всех остальных буржуазных теоретиков, проповедовать «реальные преимущества» социализма и привлекать на свою сторону колеблющуюся западную интеллигенцию. «Железный занавес» не то чтобы пал, но был основательно приоткрыт. Ведущим философам был «дан приказ на Запад». Сдерживало незнание языков и мировой литературы, а так же отсутствие организационной базы – собственной Социологической Ассоциации. Она была организована в 1958 г. и первоначально в ее состав вошли только самые проверенные и кондовые идеологи, те самые «мамонты – ортодоксы». Но дальше логика развития потребовала организации отделений ССА в Ленинграде, столицах республик, крупных регионах РСФСР, издания периодического бюллетеня ССА (редактором которого несколько лет был я, пока мне не «вдарили по мозгам» за публикацию «Лекций по социологии» Ю. А. Левады), проведения крупных симпозиумов и совещаний в Ленинграде (1966 г.), Сухуми (1967 г.), Эстонии и т.д. Именно в эту деятельность активно включилась вторая генерация советских философов и социологов, и она стала (начиная с 1966 г., Варна) составлять значительную часть «высочайше утвержденной» советской делегации на социологические конгрессы. Роль таких фигур как П. Н. Федосеев и Ф. В. Константинов свелась к чисто формальной функции «дозволения» того или иного мероприятия, а затем – к чисто представительской функции на этих мероприятиях. Мне довелось наблюдать акад. В. Ф. Константинова на VIII конгрессе МСА. Будучи номинальным главой советской делегации, но не владея английским языком, он не мог участвовать в Пленарных заседаниях и дискутировать с Т. Парсонсом. Для него поездка на конгресс была лишь формой «научного туризма». В то время как Андрей Здравомыслов, состоявший в длительном общении и переписке с Т. Парсонсом получил отказ из ЦК КПСС в последний день перед вылетом делегации. Причина была веская: он оставил одну семью и обзавелся другой. А как же иначе?! «Руссо туристо! Облико морале!»

В социологии давно известно что есть такие процессы, которые не зависят от воли и желания людей. Первоначально, создание ССА соответствовало «воле и желанию» ведущих советских идеологов – и мир посмотреть, и себя показать. Но далее процесс вырвался у них из-под контроля. Показывать им было, собственно, нечего: он не знали не только разговорных языков, но и того общенаучного языка на котором говорит

мировая социология. Поневоле им пришлось привлекать и выпускать в «басурманы» более мобильных и эрудированных ученых таких, как Г. В. Осипов, В. С. Семенов, В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, И. С. Кон, Г. М. Андреева и др. Конечно, потом они спохватились и делали некоторых «невъездными» (как, например, И. С. Кона и А. Г. Здравомыслова), но в целом процесс становился необратимым: вторая генерация советских социологов получила международное признание, вошла в состав исследовательских комитетов МСА, стала президентами или вице-президентами некоторых комитетов. Именно благодаря этому советская социология вышла из «международной изоляции», прорвала «железный занавес» и получила один из необходимейших каналов нормального развития – общение и взаимообмен с мировым социологическим сообществом. Произошло ли это «благодаря» или «вопреки» «мамонтам – ортодоксам»? Видимо, и то, и другое:

Благодаря, потому что в их воле и власти было дозволение таких форм социологической деятельности, которые были невозможны в мертвящей обстановке сталинского тоталитаризма.

Вопреки, потому что уже не в их воле и власти было остановить того развития социологии, которое воследовало в 60-е гг. – развития интенсивного (вглубь), по линии превращения социологии в самостоятельную нефилософскую, теоретико-эмпирическую науку, и экстенсивного (вширь) по линии разработки особых отраслей социологического знания и на «стыках» наук – экономической социологии, исторической социологии, экосоциологии и т.д.

* * *

«Человечество смеясь расстается со своим прошлым». Эта ироничная мысль Маркса весьма подходит ко всему сказанному выше. На переломе 60–70-х гг. была сделана последняя попытка «мамонтов-ортодоксов» остановить течение советской социологии: был разгромлен ИКСИ, учинены погромы и побоища в Ленинграде, Новосибирске и т.д. Во главе социологических учреждений в 70-начале 80 гг. были поставлены своего рода «тренеры», но уже не физического, а умственного «спорта», которые безжалостно пресекали интеллектуальную «ересь» и учили клонить спину пред властью предрежащей. В 72–73 гг. я и мои друзья – «физики и лирики» сочинили спектакль «Спорт, спорт, спорт». В нем прозвучал «Зонг об Академии», совпадение которого с реальными лицами и событиями 70-х гг. имеет чисто случайный характер. Этот зонг поется на мотив «Хора охотников» из Вильгельма Телля» Россини. Им я и хочу закончить это повествование о первой генерации советских философов.⁶

Зонг об Академии»
О спорте – не спорьте!
В Железной когорте
Стоят в Академии
Спорт – мастера:
Есть мастер интриги,
И мастер – барыга,
И мастер кричать
«Упокой!» и «Ура!»
Хор (припев) Трала ла, Трала ла и т.д.
Есть мастер – сразбегу
Состряпать «телегу»,
Есть мастер по следу
Крамолы идти

⁶ Поповский Г. В., Колбановский В. В. Подмосковная приакадемическая филармония. М.: ООО Изд-во МБА, 2012, с. 64.

Здесь есть чародеи –
Присвоить идею,
Как лошадь из стойла
Ее увести!
Хор (припев)
И каждый спорт – мастер
по умственной части
Алкает у Власти
Блага бытия,
И (скажем потише!)
Он метит повыше
И злобою пышет
на други своя!
Хор (припев)

Еще раз повторяю: совпадение или сходство с отдельными лицами и событиями является чисто случайным

Часть 3. Ответ на вопросы от 24.06.2013

Несколько лет назад мои исторические поиски привели меня к утверждению о том, что на рубеже 1950-х – 1960-х произошло не возрождение советской/российской социологии, а ее второе рождение. Лишь перестройка дала толчок к возрождению российской социологии, но оно не может происходить стихийно, само по себе, необходима определенная программа. В какой мере ты согласен с этими положениями?

В моем понимании в конце завершившегося столетия современная российская социология мягко, безболезненно отошла от марксизма и стала развиваться на, скажем, полипарадигматической основе. Так ли это? Если не так, то какие изменения все же произошли в философской основе отечественной социологии? Если мое допущение справедливо, то чем ты объяснишь «мягкость» отказа от базовых принципов, на которых в целом успешно развивалась советская социология?

Варлен, ты принадлежишь к никогда не бывшим большим первому поколению советских социологов. Оглядывая все прошедшие годы, как бы ты кратко описал, охарактеризовал процесс развитие нашей науки?

Дорогой Борис! Ответы на многие из поставленных тобой вопросов содержатся в моей статье: «Россия – страна с непредсказуемой историей социологии» (авторское название статьи).⁷ Постараюсь еще раз подробно ответить на твои вопросы, поскольку они имеют ключевое значение для всего нашего диалога.

«Второе рождение» или «возрождение»?

Я согласен с твоим мнением «второе рождение» (оно совпадает с позицией Т. И. Заславской, Ж. Т. Тощенко, Б. М. Фирсова).

Концепция «возрождения» предложена А. Г. Здравомысловым (семь периодов) и Г. В. Осиповым (зарождение, XIX в., институционализация начало XX в., период запрета 1929–1955 гг., проторенессанс 1956–1957 гг., собственно возрождение и повторная институционализация – от 1958 г. и далее).

Почему концепция «второго рождения» предпочтительнее «ренессанса» как более точная и объективная?

Прежде всего сам исторический Ренессанс возник не на пустом месте, а был подготовлен несколькими столетиями развития средневековых университетов,

⁷ Фирсов Б. История советской социологии 1950–1980 годов // СОЦИС 2013. №6. С. 148-153.

изучения античных философов и естествоиспытателей, широким распространением латинской и греческой грамотности, как языками обмена научными идеями, появлением классической живописи и скульптуры, изобретением и распространением книгопечатания, наконец — великими географическими открытиями и «общим кризисом» феодализма и средневекового традиционализма.

Всеэти факторы, вместе взятые, и породили Ренессанс — светлый, но относительно краткий освободительный порыв человечества между «мрачным» средневековьем и кровавыми религиозными войнами XVI — XVII вв. Еще одна не менее главная особенность Ренессанса — освобождение от мертвящего давления догматов теологии и засилья римско-католической церкви, начиная от Эразма Роттердамского и Ульриха фон Гуттена вплоть до Рабле и Монтеня и далее — философов — просветителей.

«Ренессанс» — «Возрождение» — весьма заманчивая категория, но *она возникает не на пустом месте.*

В СССР в 50-е гг. над социологией еще висела заклятие сталинских времен «быть месту пусту». Для *нормального* развития науки требуются пять постоянно действующих факторов: во-первых, общественные условия и гарантии для свободы теоретического мышления; во-вторых, широта и надежность эмпирической базы; в-третьих, взаимообмен научной мысли внутри страны и между странами; в-четвертых, институциональная основа (исследовательские учреждения, факультеты, кафедры, периодика и т.д.); в-пятых, пассионарность (героический энтузиазм) поколенческих когорт самих ученых. Все эти факторы блистательно отсутствовали в СССР в 50-е гг., а догматы казенного истмата были непререкаемы. В российской социологии, успешно развивавшейся в XIX — начале XX вв. и еле теплившейся в СССР 20-х гг. возник «длительный разрыв непрерывности» (математическое выражение, примененное Б. М. Фирсовым) или же «перерыв постепенности» (говоря на марксистском жаргоне). Так или иначе, требовалось именно второе рождение каждого из указанных пяти факторов. Оно и охватывает весь почти тридцатилетний период от «оттепели» до «перестройки». Оно происходило в условиях идеократии и приступов идеологической реакции и истерии. Оно шло с великим скрежетом зубным. Освоение каждого из пяти факторов натывалось на огромное множество больших и малых козней и препон, на идиотизм, боязнь и самодурство партократии. Поэтому, если это и были «роды», то достаточно мучительные и отнюдь не бескровные. Многие из социологов — «шестидесятников» испытали это на собственном опыте: Ю. А. Левада, Н. И. Лапин, Б. А. Грушин, И. С. Кон, Ю. Н. Давыдов, Н. Ф. Наумова, И. В. Бестужев-Лада, Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, Б. М. Фирсов и многие другие в разные времена и по разным поводам «вызывались на ковер» и подвергались партийной и академической «опале», но причина была одна и та же: еретическое свободомыслие.

Я согласен с твоим выводом, что о возрождении социологии в России можно говорить от периода «перестройки» — именно тогда, когда сначала ослабла, а затем рухнула «идеологическая давящая» ортодоксии партаппарата.

Это возрождение связано с тремя процессами:

а) возвращением к собственным корням, т.е. богатому социологическому наследству отечественной социологии до и после революционной России (исследования И. А. Голосенко «Социологическая ретроспектива дореволюционной России», 2002, «Социология в России, 1998, под ред. В. А. Ядова и др.)

б) капитальным освоением мировой социологии и ее теоретических школ — уже не для «критики буржуазной социологии», а для «восхождения» на уровень мировой социологии (четырёхтомник «теоретической социологии» под ред. Ю. Н. Давыдова, работы А. Б. Гофмана, Л. Г. Ионина, Ю. И. Семенова, Н. В. Романовского и др.)

в) наконец, последнее по счету, но не по важности: это исследование процессов

трансформации (фактически – социальной революции) в современной России. Число этих исследований огромно, но все они в конечном счете зависят от теоретической и политической позиции их авторов, от того – к какому из отрядов восхождения на «социологическую Голгофу» они принадлежат – апологетическому или социально-критическому (по терминологии В. Н. Шубкина).

В настоящее время в социологии «расцветают сто цветов». Существует ли какая либо особая «программа» этого расцвета? Я думаю, что программу задает, прежде всего, сама жизнь, сам трудный и мучительный переход России к новой социальной системе. Такой переход от жесткого (тоталитарного) «порядка» всегда связан с «хаосизацией» системы и появлением «точек бифуркации». Социология не только отражает этот процесс, но и сама подвергается своеобразной «хаосизации», в ней появляются различные даже взаимоисключающие школы и направления – классика, модерн, постмодерн (постнеклассическая). Современная социология полипарадигмальна, но она проходит через «узкий эволюционный коридор» для выработки нового, более точного и эвристического видения мира и нашей неповторимой страны.

Еще раз скажу: какая либо заранее заданная «программа» развития науки здесь невозможна, процесс развивается достаточно стихийно и противоречиво. Постепенно обозначаются его главные направления: консервативно-традиционалистское (суклономк «почвенничеству»), либерально-буржуазное (суклономк «западничеству»), академическое (центристское), социально-критическое и демократическое. Как видишь, эти направления далеко не свободны от «ценностных суждений», но иначе и не может быть в эпоху великих революционных преобразований, которой и является XXI век.

О «мягкости» отказа от базовых принципов, на которых в целом успешно развивалась советская социология?

Твой вопрос вполне уместен и закономерен. Ответ заключается в нескольких причинах.

Критерий «всемирно-исторической революционной практики» как великой разоблачительницы философских иллюзий и обманов. К середине 80-х гг. мировая социалистическая система в целом, СССР в особенности (социал-политаризм, коллективная частная собственность партии-государства, военно-бюрократической олигархии) показала свою политико-экономическую нежизнеспособность. Были упущены несколько научно-технических революций. На Западе (ПНР) и Востоке (Афганистан) возникли «горячие точки» распада. Внутри СССР обострялся «системный кризис» существующего строя – т.е. кризис управления, ресурсной, информационной и структурирующих систем. КПСС (18 млн. членов) плюс ВЛКСМ (30 млн. членов) стали формально-бюрократическими, а не революционно-действующими, мобильными и мобилизующими организациями. Субъективный фактор отсутствовал. Китай с 1976 по 1985 гг. уже выбирался из социальной трясины и осуществлял демонтаж социал-политарной системы под руководством КПК и по стратегии Денсяопина: изменения в экономике (смешанная) – затем – в политике – затем в мышлении. Опыт КНР приведший ее к рангу новой «сверхдержавы», был проигнорирован. Стратегия Горбачева – новое мышление – демократизация в политике – и только затем изменения в экономике – оказалась идеалистической и утопической. Новая редакция третьей программы КПСС (план на 3 пятилетки) единодушно принятая «историческим» XXVII съездом КПСС весной 1986 г. стала последней и самой безнадежной утопией советского марксизма.

В 1985–1991 гг. в стране назревала и обострялась революционная ситуация, когда «верхи» не могут, а «низы» – не хотят по-старому. Возник и возрастал «средний класс», к которому Т. И. Заславская и Р. Х. Симонян относят интеллигенцию крупных

университетских городов и квалифицированных рабочих индустриальных Центров. Они были «ядром» и «мотором» поднимающейся революционной волны, но у этого отряда не было реального политического руководства и внятной теоретической программы. Движение было перехвачено Ельциным и его «демократическим» окружением, умело использовано в дни ГКЧП, а затем — интересы и идеалы революционных масс, были классически преданы и проданы нарождающемуся вдругорядь российскому капитализму — точно так за два столетия до этого сделали «герои» Термидора в эпоху Великой Французской Революции. Я помню, как после ГКЧП, в сентябре 1991 г. В. А. Ядов собрал в своем директорском кабинете в ИС АН СССР ведущих социологов — Т. И. Заславскую, Б. А. Грушина, А. А. Галкина и др. К сожалению, точных социологических оценок происшедшего политического переворота никто из нас дать не мог. Я только напомнил слова Щедрина: «Идет Чумазый (= «капитализм») и даже уже пришел. И на вопрос «Что есть истина?» Ответит: «Распивочно и на вынос!»

«Отход» от марксизма в советской социологии начался, на мой взгляд, не в эпоху «перестройки», а еще раньше — 20 лет назад — т.е. в 60-е годы, и именно поэтому он кажется «мягким и безболезненным»!

Мне уже приходилось говорить ранее о том, что в самом марксизме, так же как в гегелевской философии, заключалось противоречие между революционным методом и консервативной системой. О том, что «идеология пролетариата» консервативна, как всяческая утопическая система, пытающаяся жестко проектировать будущее, пронизательно говорил еще К. Маннхейм (см. «Консервативная мысль» в книге «Диагноз нашего времени». М., 1994). Консервативную систему марксизма представляют научный коммунизм и истмат в той его сталинско-катехизисной форме, которая «восторжествовала» в СССР.

Так называемый «научный коммунизм» применял *чисто линейную одномерную логику*: единый (социалистически-коммунистический) базис, единое государство (диктатура пролетариата), единая (без отклонения на «шаг вправо, шаг влево») идеология и культура. «Научный коммунизм» был исторически прав в своей критике капитализма, как высшей и последней стадии саморазвития частной собственности, но он оказался от начала до конца — *высшей формой социальной утопии* в предсказаниях судеб капитализма и характеристиках послекapиталистического общества. Претензии научного коммунизма быть общесоциологической теорией обанкротились вместе с крахом т. н. «мировой социалистической системы». К этому следует добавить, что многочисленные кафедры «научного коммунизма» угнездившиеся в гуманитарных вузах в период 60–70-х гг. как по мановению волшебной палочки переродились и перевоплотились в «политологические».

Не лучше обстоит дело с другой «составной частью» марксизма как консервативной системы — истматом. По своей генетической природе истмат является социальной философией, а не конкретной эмпирической наукой, при этом — одной из *возможных* социальных философий, а не *единственно* научной социологией. Беда первой генерации советских философов состояла в том, что они пытались *спекулятивно* соединить философские категории высшей абстракции с *фактами* советской действительности. Это равносильно тому, чтобы пытаться пересигануть пропасть в два прыжка. На деле необходима целая лестница опосредующих (операционализирующих) категорий, и именно это дает социология. Попытка напрямую «подвести» факты под категории истмата, или «вывести» факты из этих категорий ни к чему хорошему не приводят: истмат остается философской спекуляцией, а факты искореживаются по велениям начальства: «Нам нужны такие данные, которые нам нужны» (принцип акад. Митина).

Классическим примером служит работа проф. И. И. Чангли «Труд» (1-е изд. — 1973 г., 2-е изд. — 90-е гг.). Она свято и безоглядно уверовала в «букву» научного

коммунизма и истмата, не постигнув их революционно-критического «духа». В своей книге она строит конструкции и таблицы «социалистический труд», «коммунистический труд», исходя непосредственно из соответствующих цитат «классиков» и ... опыта «бригад коммунистического труда». Собственных социологических исследований проф. И. И. Чангли не проводила, да и не умела это делать. В ИКСИ она была чуть ли не единственной из породы «мамонтов-ортодоксов». «Социалистический труд», который она воспевала, был в СССР не реальностью, а мифом. Суровой реальностью была сложившаяся и тщательно камуфлируемая система как современных (присвоение прибавочной стоимости), так и архаических (присвоение прибавочного труда) форм и видов эксплуатации труда всех производительных классов (рабочих, интеллигенции, крестьянства) во имя всевластия военно-бюрократической партолигархии (социал-политариата).

Вторая генерация советских философов, экономистов, историков с начала 60-х гг. сумела постепенно придти к пониманию этого.

Акад. Т. И. Заславская в дневнике 1960 г. писала следующие тезисы «Причины кризисного развития советского общества» (в т. ч.)

4. Противоречие между мощными производительными силами ... и реакционно-бюрократической системой управления.

5. Эксплуатация одних общественных классов другими. Крестьянство как самый эксплуатируемый класс общества. Современное «крепостное право» ...

9. Подлинный социальный строй в СССР. Строим ли мы социализм или живем при государственном капитализме, о неизбежности и необходимости которого как этапа на пути к социализму предупреждал Ленин?

10. Какие политические силы существуют в СССР. Насколько реальны перспективы революции «сверху» или «снизу» (см. Т. И. Заславская. Избранное, т.3, с. 443–444). Как отмечает сама Татьяна Ивановна это не было «одномоментным прозрением», но отсюда тянется нить к «новосибирскому манифесту» и всей школе «экономической социологии».

По своему (более ускоренно) проделал теоретическую эволюцию Ю. А. Левада – от вполне «ортодоксальных», ученических работ о китайской революции (50-х гг.) к «Лекциям по социологии» и другим «взрывным» работам 60–70 –х гг., а с 1989–2006 – огромная эмпирико-теоретическая работа во ВЦИОМе и «Левада-Центре».

Не менее интенсивно эволюционировал И. С. Кон – от достаточно «правоверных» «Основных направлений буржуазной философии и социологии» (1961 г.) до более широкого и свободного взгляда на историю социологии (работы и проекты – конца 60–70-х гг.)

Теоретическую эволюцию проделал Н. И. Лапин – от содержательной, но достаточно «ортодоксальной» работы «Молодой Маркс» к проекту «Социальная организация» (1971–1972 гг.) и лонгитюдным исследованиям 1990–2012 гг. в России, Китае и т.д.

Это же можно сказать и о теоретической эволюции В. А. Ядова (подробнее – в моей статье в сб. «Vivat, Ядов!», 2009).⁸

Неверно было бы утверждать, что социологи – «шестидесятники» «отошли» от марксизма или «изменили» марксизму. Они сохранили верность его революционно-критическому «духу», но отошли от «буквы» – они просто стали работать на *ином* уровне.

⁸ Колбановский В.В. О праве социологии на свободу мысли. Эссе о полипарадигмальности и активизме В.А. Ядова // Сб. «Vivat, Ядов!». М. «Новый хронограф», 2009. С. 284-312.

И. С. Кон отмечал, что *эмпирический характер* возрожденной (добавлю — или вновь рожденной) советской социологии был ее самой важной чертой. Потому что это была информация, разбивавшая — даже при всей ее неадекватности, при всех ограничениях — монолит — идеологической схемы общества (Цит. по Б. М. Фирсов. История советской социологии, 1950–1980 гг., с. 90).

Именно этот эмпирический характер работы на тяжелом и трудном опыте убедил генерацию «шестидесятников» в том, что к эмпирическим исследованиям нельзя перейти непосредственно и прямо от категорий истмата и научного коммунизма. Здесь требуется совершенно иной категориальный и понятийный аппарат, который уже наработала мировая социология, ее направления и школы, здесь требуется математический аппарат (количественные методы), наконец, здесь требуются неведомые для истмата исследовательские методы и процедуры изучения эмпирического материала — людей и их общественных отношений.

Социологи — «шестидесятники» совершили не «отход от марксизма», а переход от философского уровня науки (наиболее абстрактного и неverifiedируемого, точнее verifiedируемого надлительном историческом пространстве-времени), на конкретно-эмпирический уровень науки, позволяющий (через собственно социологические теории и методы исследования) все более точно, объективно и критически отражать всегда противоречивую и всегда неисчерпаемую социальную действительность.

Любая сложная и сверхсложная система — *многоуровневая*. Это относится ко всем неживым, живым и социальным системам. Каждая из них имеет свой микро, мезо, макро и мега уровни, которые взаимодействуют друг с другом, нижние уровни влияют на высшие, а высшие подчиняют себе нижние (принцип подчинения или «круговой причинности», предложенный Г. Хакеном для синергетики).

В социологии к микроуровню можно отнести деятельности людей (социальные группы, социальные общности) порождающих в процессе взаимодействия социальные отношения; к мезоуровню — социальные институты — «фабрики социальности» (Э. Дюркгейм), механизмы переработки субъективного в объективное, которые «формируют людей и формируются людьми» (Д. Норт); на макроуровне — социальные процессы взаимодействия основных паритетных компонентов общества — социальности, культуры, индивидов — (по теории П. Сорокина — Н. Лапина) — взаимодействие, объективные законы которого не зависят от воли, сознания и желания людей; наконец — мегауровень: естественно-исторический процесс движения общества от архаических и простых, к сложным и сверхсложным системам, от низших и незрелых форм частной собственности (азиатский или политарный способ производства) к развернутым формам (античное рабство и феодализм) и универсальным формам частной собственности (ранний, зрелый, поздний или глобальный капитализм). Это движение имеет не механическую, а вероятностную детерминацию, является нелинейно-стадиальным. Эти системы (до раннего капитализма включительно) хорошо прослежены и объяснены Марксом и Энгельсом, а более современные — теориями мир-экономик и мир-систем Ф. Броделя, И. Валлерстайна, М. Буравого.⁹

Вывод: Социологи «шестидесятники» не «отошли» от марксизма к полипарадигмальному подходу, а попросту вернули науку в *нормальное русло ее развития*.

Они отошли только от марксизма как консервативной системы, но не от его революционного метода — они сохранили и сохраняют верность принципам материализма и диалектики, которые составляют с у т ь материалистического понимания истории.

⁹ Колбановский В.В. «Социология Капитала» // СОЦИС. 2012. №6. С. 13-24; «Как нам быть с Великой Октябрьской революцией?» // СОЦИС. 2013. № 10. С. 40–49.

Они не отошли, а восстановили полипарадигмальный подход, на котором когда-то работали Маркс и Энгельс (эмпирический уровень – «Положение рабочего класса в Англии», «Синие тетради» в «Капитале»; уровень социальных институтов – «Происхождение семьи, частной собственности и государства», подготовительные работы к «Капиталу»; социетальный уровень – анализ каждой из общественно-экономических формаций; мегауровень – весь естественно-исторический или цивилизационно-формационный процесс).

Кондовый «истмат» фактически ограничивался только «высшими» уровнями, барственно игнорируя «низшие» или сводя их к «сумме примеров».

Социология 60-х и последующих годов стала работать на *всех* этажах социальной науки. Для этого на каждом из этих этажей надо было не ограничиваться азбучными истинами марксизма, а применять «эффективные теории» мировой социологии – П. Бурдьё для микроуровня», К. Поланьи для мезоуровня, П. Сорокина и Т. Парсонса – для макроуровня и т. д.

Аналогичные процессы идут во всех естественных науках: физика ищет способ «Великого объединения» процессов микро и мегамира (вплоть до нашей метagalактики и предполагаемой Мультивселенной или Мультиверса). Биология бьется над проблемой СТЭ – синтетической теорией эволюции – объединения процессов молекулярной биологии и дарвиновской макроэволюции. Иными словами: полипарадигмальный подход (о необходимости которого все время говорит В. А. Ядов) *есть единственно нормальный и применимый общенаучный подход*, с которым работают все естественные и общественные науки: в них для каждого «этажа» неживых, живых и социальных систем разрабатываются собственные «эффективные теории», несводимые одна к другой (проблема редукционизма и антиредукционизма), но в то же время пригодные для выработки более общих, объединяющих теорий.

Когда-то великий физик Лев Ландау сказал: *«Науки бывают естественные, неестественные и противоестественные»*. К последним он относил марксистскую философию, которая пыталась обвинить и уничтожить за «идеализм» теорию относительности и квантовую механику.

Если социологи – «шестидесятники» и «отошли» от марксизма к полипарадигмальности – то отошли они только от той «противоестественности» марксизма, в которую низвергли его «мамонты-ортодоксы». Социологи, действительно, «отошли» от схоластики, спекуляций и сектантства «казенного» марксизма, они начали (сначала примитивными подручными средствами) крушить и ломать ту железобетонную стену, тот «заборчик типа НКВД» (выражение А. Твардовского), который отделял советскую социологию от мировой социологии и ее «эффективных теорий».

При этом – я более чем уверен – активистски-деятельностный подход В. А. Ядова, социология личности И. С. Кона, антропосоциетальная теория Н. И. Лапина, работы Т. И. Заславской о селе и крестьянстве, работы Б. А. Грушина о массовом сознании, работы Ю. А. Левады об общественном мнении сохраняют «душу живую» марксизма и до сего времени. Их творчество есть и теоретическое преодоление ограниченности марксизма как теории XIX в. и, одновременно – развитие его революционной материалистической диалектики на современном уровне и применительно к реалиям сегодняшнего дня.

Не все, но значительное большинство социологов – «шестидесятников» имели достаточно основательную философскую подготовку и им требовалась очень серьезная интеллектуальная работа для того чтобы «выдавить из себя раба капля за каплей» и перейти от рабского плена у марксистского фундаментализма и сектантства к свободной мысли, опирающейся на все богатство мировой социологии и найти здесь собственную «стезю», собственное поле для эмпирического и теоретического

исследования.

Для генерации социологов 70–80-х гг. это уже было не так. Они уже не имели серьезной философской подготовки и первородной приверженности к марксизму, как у их учителей – «шестидесятников». Поэтому и «отход» их от марксизма в 90-е гг. производит впечатление «мягкого и безболезненного».

Какие же изменения произошли в философской основе? Попросту говоря, она исчезла. «Вместе с грязной водой выплеснули и ребенка». Полипарадигмальный подход – при всех своих преимуществах – допускает эклектичность, а зачастую – и попросту отсутствие философской основы. Очень интересно и выразительно сказал об этом великий физик нашего времени Стивен Хокинг: Люди спрашивают: «В чем суть реальности? Откуда все это взялось? Нуждалась ли Вселенная в Творце?» – «Традиционно на такие вопросы отвечала философия, но сейчас она мертва. Она не поспевает за современным развитием науки, особенно физики. Теперь исследователи, а не философы держат в своих руках факел, освещающий наш путь к познанию» (см. Стивен Хокинг, Леонард Млодинов «Высший замысел», СПб, 2012, с.9.).

Итак – «философия мертва», «наука – сама себе философия» – с этими умозаключениями согласятся и многие социологи, особенно приверженные к модернизму и постмодернизму (постнеклассическая социология). Последние отрицают «гранд-теории», общесоциологические законы и склоняются к «нарративам», описанию и перечню, а не к анализу и систематизации социальных фактов.

На мой взгляд – мертва только та философия, которая исходит не из универсальности эволюции неживой, живой и социальной материи, а из чисто линейного понимания детерминизма, из несистемного видения мира.

Диалектический материализм был великим теоретическим достижением для своего времени. Но прошло более полутора веков со времени появления этой формы материализма. Считать его «высшей, последней и завершающей формой материализма» (как это делали советские философы первой генерации) значит изменять самой диалектике, самому принципу вечного и бесконечного развития. Материализм умер! Да здравствует материализм! Да здравствует новая форма, уже постмарксова материализма, которая базируется на всех достижениях современного естествознания (от Эйнштейна и Бора до Пригожина и Хокинга) и обществознания (от Вебера и Дюркгейма до П. Бурдьё и И. Валлерстайна).

... Мне вспоминается: в 1993 г., войдя в зал заседаний Ученого Совета Института социологии РАН, я увидел несколько непривычную портретную галерею – вместо традиционных «классиков» марксизма на стенах висело примерно 30 персональных изображений великих социологов XIX – XX вв., в т. ч. молодые Маркс и Энгельс («крайцнахского периода»). В этой портретной галерее директор Института Социологии В. А. Ядов материализовал свою генеральную идею о полипарадигмальном подходе.

Что же касается философской основы отечественной и более глобальной социологии, то она по-прежнему может быть троякой:

а) идеалистической («Вам социологов начтем, что даже говорят иные» на языке субъективного или объективного идеализма)

б) позитивистской (нейтральной и безразличной к философии) – большинство социологов

в) материалистической, разрабатывающей новую форму постмарксова материализма, которую я определяю, как «системно-эволюционный материализм».

Какой тебе видится новая форма материализма?

Старый («диалектический») материализм должен быть подвергнут диалектическому же отрицанию – такому отрицанию, которое сохраняет и удерживает все то огромное богатство, которое он внес в философию.

Новый материализм может исходить из следующих оснований:

Между философским и естественно-научным пониманием материи нет жестких разграничительных линий — они взаимодополняют друг друга; философское понимание субстанции развивается и углубляется вместе с научным пониманием способов ее организации и усложнения.

Материя не нуждается в Творце, она сама является творцом самой себя, или самопричиной своих состояний и их изменений.

Материя не является «вечной», она эволюционирует от квантового вакуума через его флуктуации — (сингулярность) к системной (барионной) материи — и обратно; тем самым она самопроизвольно возникает из небытия («ничто») и возвращается в него.

Материя в ее системном состоянии есть единство противоположностей — массы и энергии — двух своих компонентов, способных к взаимопревращению друг в друга, а тем самым к становлению закрытых и открытых, устойчивых и неустойчивых систем, способных к самоорганизации и самоусложнению.

Атрибуты материи: пространство — время, структурность — информация так же не являются «вечными», а присущи только ее системному состоянию.

Атрибуты являются свойствами материи, но не самой материей, и в этом смысле они «нематериальны», они активно взаимодействуют с материей: становление неживых и живых систем есть результат этого взаимодействия.

Пространство и время не бесконечны, а конечны — планковские величины определяют их минимальные размеры, космологические величины — длительность существования и величину протяженности нашей Вселенной.

Пространство и время изменяются (деформируются) в зависимости от самодвижения материи (массы и скорости). Поэтому могут существовать различные «темпомиры» как в неживой, так в живой и социальной материи.

Структурность — информация так же меняют свои характеристики в зависимости от ступеней развития материи и, одновременно, сами они являются «строителями» этих новых ступеней, движущими силами систем к более сложным уровням организации материи (роль внутренней информации как генетического кода; роль внешней информации как первой и второй сигнальных систем).

Законы природы не абсолютны, а относительны: во-первых, они зависят от мировых констант и первых соотношений элементов материи в момент Большого Взрыва; во-вторых, они поэтому специфичны только для нашей Метагалактики, а не для всей Мультивселенной; в-третьих, они складываются и перестают действовать в зависимости от ступеней развития. В этом смысле — они сами *способы организации* неживой, живой и социальной материи, которые она нащупывает — методом проб и ошибок — и отбирает, путем преобразования динамической неустойчивости («хаос») в относительную устойчивость («порядок»).

В соответствии с этим детерминизм Природы является не механически-линейным (лапласовским), а вероятностно-нелинейным, допускающим многовариантность развития и движения через «узкий эволюционный коридор» — от простых к сложным и сверхсложным системам.

«Гносеологическая составляющая» нового материализма имеет свои границы — во-первых, такие фрагменты нашей Вселенной (темная материя и темная энергия) о которых очень трудно, но принципиально возможно наше познание и понимание; во-вторых — это представление о Мультивселенной, о которой можем строить только гипотезы, быть ее «угадчиками». Поэтому, можно различать материю как онтологическую реальность, как внешний, независимый от наших теорий и нашего существования, природный и социальный МИР; и наше знание об этом мире, как гносеологическую реальность состоящую из: а) наблюдателя-исследователя;

б) его научного инструментария; в) его теоретического, понятийного аппарата и суммы уже накопленных знаний. Из всего этого складывается физическая, биологическая, социологическая реальность, которая есть не что иное, как «парадигма» или «научная картина мира» своего времени.

Старый (марксов) материализм опирался только на эволюцию макросистем в органике и надорганике. Он впервые в истории дал общее понимание эволюции крупных ступеней социальной материи. Но эволюция неживой природы понималась им ограниченно — только как превращение одних форм движения в другие.

Новый материализм исходит, во-первых, из *универсальности* характера эволюции во всех формах и на всех ступенях материи, во-вторых, из системного характера этой эволюции, когда не просто движение, а *самоорганизация и самоусложнение систем являются способом существования материи*.

Понятие «универсальный эволюционизм» сыграло свою позитивную роль при переходе от старой к новой форме философии. Но по сути дела «универсальный эволюционизм» есть не что иное, как *стыдливый материализм*.

В эпоху, когда силы консерватизма и идеализма в России «самоорганизуются» и пытаются взять реванш над естественно-научным, объективным познанием природы и общества, материализму нечего и незачем рядиться в маскировочные камуфляжи. Системно-эволюционное понимание природы и общества — есть такая форма материализма, которая в наши дни складывается и вырабатывается из всей суммы современных знаний о природе и социуме. Нет никакого сомнения, что будущее — по крайней мере, будущее XXI века — за системно-эволюционным материализмом!

Оглядывая все прошедшие годы, как бы ты кратко описал, охарактеризовал развитие нашей науки?

Кратко у меня вряд ли получится, но постараюсь ответить в нескольких пунктах. Есть такое ироническое выражение: «бросая ретроспективный взгляд в прошлое». Но мой ответ, надеюсь, не будет в стиле «ретро» — он касается процессов общенаучного движения и в нем я буду опираться на такие мировые авторитеты, как И. Валлернстайн и М. Буравой.

Общенаучное движение по И. Валлернстайну

В 2005 г. в Харьковском университете И. Валлернстайн прочитал лекцию «Эволюция структур знания в миросистемной перспективе». Здесь он прослеживает эту эволюцию с XV—XVI вв. как

- а) высвобождение философии от теологии (XVI—XVIII вв.),
- б) высвобождение науки от философии (XIX в.),
- в) раскол естественных и гуманитарных наук,

г) «три культуры» — естественные, гуманитарные и собственно социальные науки. «В конце XIX в. возникают и институционализируются три новых дисциплины, которые занимаются современностью: экономика, политология и социология» (И. Валлернстайн. Миросистемный анализ. Введение. М., 2005, с. 239). Либеральная идеология, господствовавшая в XIX в., делила общество на три отдельные сферы — рынок, государство и гражданское общество. «Экономика должна была изучать то, что происходит на рынке, политическая наука — то, что происходит в государстве, и социология — все остальное» (с. 241).

д) следующий этап — выбор методологии. Прогресс естествознания и его точных методов увлекает гуманитариев: социальные науки, не обладавшие собственной методологией оказались в ситуации выбора между двумя существующими методами.

В результате, три дисциплины, изучавшие современный западный мир – экономика, политология и социология – перешли на сциентистские позиции. Другие социальные дисциплины перешли на сторону гуманитарного герменевтического познания – история, антропология и ориенталистика» (с. 241–242).

Две мировые войны XX в. и подъем т.н. «третьего мира» или мировой полупериферии вновь сотрясают устоявшееся «равновесие» наук. Центр тяжести смещается с Запада на Восток, и социальные науки получают мощный толчок от культур, не входивших ранее в реестр мировой истории.

Второй «точкой бифуркации» вновь является естествознание последней трети XX в. И. Валлернстайн находился в дружеском контакте с И. Р. Пригожиным и высоко оценивает его теорию сложных самоорганизующихся систем: «Вместо старых представлений возникает идея о том, что все процессы, происходящие в сложных системах, с течением времени подвергаются постоянной трансформации, все дальше удаляясь от точки равновесия. Максимальный сдвиг от точки равновесия приводит к состоянию бифуркации. И все процессы развиваются по «стреле времени». Время необратимо даже для атомных структур» (с. 244–245).

В результате «сдвигов» XX в. эволюция социальных наук идет в трех направлениях:

а) сближение наук Запада и Востока, утрата «монополии» западной либеральной или консервативной мысли на истину в последней инстанции.

б) сближение социальных наук с естествознанием, их содружество с синергетикой и теорией самоорганизующихся систем, их оперирование как количественными так и качественными методами, их отход от описания и перечня «нарративов» (постмодернизм) к более содержательной «парадигме» поиска и формулировки социальных закономерностей и законов.

в) сближение самих социальных наук, появление «смежных дисциплин» на «стыках» социологии, политологии, экономики, истории, этнологии и т. д., т. е. «синтез» социальных наук в некоторую более общую науку, опирающуюся как на качественные методы познания (в т. ч. диалектику) так и на количественные (в т. ч. синергетику).

На мой (ретроспективный) взгляд наша советская, а затем российская социология в сжатом, «спрессованном» виде повторила исторический путь развития мировой социологии в целом.

Во-первых, в 60–80-е гг. она, как Иона из чрева китового, освободилась от Левиафана – коммунистической теологии (диамат).

Во-вторых, она в 90-е гг. освободилась от «единственно верной» социальной философии – истмата и перешла на полипарадигмальные рельсы – т. е. стала применять различные социологические теории и подходы, там, где они «эффективны», там, где они дают основание (категориальный аппарат) и для эмпирического исследования, и для – на этой социально-статистической основе – теоретического обобщения.

В-третьих, в 70–90-е гг. идет интенсивный процесс как институционализации социальных наук – социологии, политологии, экономики, так и появления «смежных» между ними дисциплин.

В-четвертых, идеи нашего великого соотечественника И. Р. Пригожина возвращаются в Россию, получают развитие в трудах акад. Н. И. Моисеева, акад. В. С. Степина, проф. Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмова, проф. Д. С. Чернавского, проф. Г. Г. Малинецкого, что в свою очередь становится основанием первых попыток применения синергетики в социологии и экономике. Наука, таким образом, получает два «аналога действительности» – качественный – диалектику, и количественный – синергетику. Тем самым, она может выискивать «анalogии» не только между смежными

дисциплинами, но и «анalogии между аналогиями»: общие принципы и механизмы саморазвития неживых, живых и социальных систем.

Общесоциологическое движение по М. Буравому

Если И. Валлернстайн прослеживает эволюцию социальных наук «на фоне» изменения форм и содержания университетских центров 3. Европы, Сев. Америки, а затем и во всем мире, то М. Буравой прослеживает эволюцию и науки, и собственно социологии на гораздо более широком «фоне», а именно – на фоне судеб «исторического капитализма» и трех волн маркетизации или «товаризации». Первая волна – превращение труда в товар (ранний капитализм – от XVIII в. до начала XX в.); вторая – превращение денег в товар (зрелый капитализм – XX в. от Великой депрессии); и, наконец, превращение природы в товар (воздух, вода, органы человеческого тела и т. д. – поздний капитализм – перелом XX–XXI вв. и второй Великий кризис). Позиция М. Буравого и дискуссия вокруг нее содержится в журнале «Социологические исследования» (2009, №4). Я изложил свое позитивное отношение к ней в статьях («Социологические исследования», 2010, №3, 2012, №6).

На основе теории трех волн маркетизации М. Буравой предлагает следующую общую схему социальной и социологической эволюции.¹⁰

Таблица №1

Волны маркетизации и формы социологии

	Маркетизация первой волны	Маркетизация второй волны	Маркетизация третьей волны
Фиктивный товар	Труд	Деньги	Природа
Локус реакции	Местное сообщество	Национальное государство	Мировое гражданское общество
Права	Трудовые	Общественные	Человека
Направления социологии	Утопическая	Прикладная // Заказная	Публичная
Наука	Спекулятивная	Позитивистская	Рефлексивная
Географическое положение (происхождение)	Западная Европа	США	Полупериферийные страны

Таблица М. Буравого дает богатый «социальный фон» для понимания эволюции науки в т. ч. социологии.

а) Вслед за И. Валлернстайном он расширяет границы научной и социологической «ойкумены», включая сюда полупериферийные страны (т. е. БРИКС – Россию, Индию, Китай, Бразилию, ЮАР и молодых азиатских «тигров»).

б) Для него наука до XX в. является спекулятивной, т. к. не применяет точных методов, в XX в. – позитивистской (или академической) так как чурается острых социальных проблем и критического отношения к самой себе, и только сейчас становится рефлексивной – т. е. критически анализирующей саму себя, собственные методы и «парадигмы», равно как и социальную действительность.

¹⁰ М. Буравой. «За публичную социологию. Публичная социология versus рынок» // Сб. Общественная роль социологии. М., 2008

в) социология на этом фоне остается «утопической» вплоть до конца XIX в. Это в равной мере относится к марксизму, так как его версия о «научном коммунизме» остается высшей и непревзойденной до нашего времени формой социальной утопии.

Социология XX в. разветвляется на прикладную и заказную. Прикладная (или академическая) социология дает позитивные сведения о сферах и процессах социальной жизни, но редко поднимается до серьезной социальной критики. Заказная (или политическая) социология ориентирована на Власть Препедржающую и Капитал Глобализирующий. Соответственно, она не может быть ничем иным как сервильной социологией.

Но самое безудержное шествие «исторического капитализма» по миру рождает социальное сопротивление в ограбленных им «рабочих классах» и неокOLONиальных странах. Марксов закон «абсолютного обнищания пролетариата» был скоропалительно отменен либеральной мыслью для «золотого миллиарда» — но этот закон обрушивается на остальные 5 миллиардов населения земного шара, в т. ч. на 70-80% населения России. Поэтому — по М. Буравому — неизбежно и необходимо появление публичной, или лучше сказать — гражданственной социологии — социологии депривированных классов и слоев.

Советская и российская социология проделывает исторический путь мировой социологии (200 лет) от утопической — к прикладной//заказной — и к публичной — гражданственной за более краткие и сжатые сроки (примерно за 50 лет).

В советский период СССР был искусственно огражден от мирового рынка. Даже труд не был здесь «товаром», т. к. отсутствовал сам рынок труда и естественного передвижения рабочей силы к центрам спроса и предложения. Не удивительно, что советская социология в начальный период носит именно *утопический характер* — она задается вопросами о превращении труда в первую жизненную потребность, о сближении классов и социальных групп, о социалистическом «образе жизни» — и расшибает себе лоб о полученные эмпирические данные. Поэтому — 60–80-е гг. — это период достаточно мучительного отхода от утопических догматов и иллюзий и выработки более реалистического подхода к «реальному социализму». Именно в этот период, как точно подметил В. Н. Шубкин, начинается восхождение на социологическую Голгофу двумя отрядами. М. Буравой называет их прикладной и заказной социологией, но более точно будет сказать, что это был отряд академической и отряд государственно-сервильной социологии. «Перестройка» уже открыла в России шлюзы для всех трех волн маркетизации, поэтому неудивительно, что именно в 1985–1991 гг. происходит расцвет публичной или гражданственной социологии, связанной с яркими именами Т. И. Заславской, Б. А. Грушина, Ю. А. Левады, И. С. Кона, В. А. Ядова, З. И. Файнбурга, Л. А. Гордона, В. Н. Шубкина и рядом других «шестидесятников», достойно представлявших в этот период демократическое крыло нашей социологии.

После 1991 г. Россию накрыли с головой все три волны маркетизации. Поэтому неудивительно и то, что доживает свой век утопическая социология (представленная различными течениями консерватизма и религиозности), буйно цветет прикладная в противоборстве с «заказной», и вновь оживает (особенно на волне всемирного экономического кризиса) публичная или гражданственная социология.

В России вырастают новые поколения людей уже не знавшие «плена египетского» и социально-идеологического рабства. В России, невзирая ни на какие ограничения, — развивается и растет гражданское общество и его устойчивая сердцевина — средние классы. В России растет и сопротивление всевластию финансово-бюрократической олигархии — унии крупного Капитала и крупного Чиновничества. В России вполне реален «новый исторический блок» между демократической интеллигенцией и «людьми знания» — квалифицированным рабочим классом.

Все эти условия, взятые вместе, делают необходимым и неизбежным становление и развитие публичной — гражданской социологии, как науки о самосознании производительных классов, как теоретического оружия гражданского общества в борьбе за демократию и социальную справедливость против всевластия Бюрократии и Капитала.

Подведем итоги. Российская социология сегодня подходит к своеобразной точке бифуркации, которая имеет три основных вектора:

а) *спекулятивный* — назад к традиционализму, когда социология становится «служанкой теологии» — светской или религиозной.

б) *позитивистский* — когда социология повторяет «зады» новомодных учений, становится «служанкой» либо государства, либо финансовых корпораций и приобретает все более провинциальный характер.

в) *рефлексивный*, когда усиливается публичный, гражданственный и социально-критический характер социологии, когда она становится самосознанием гражданского общества и его производительных классов. Только на этом пути она вновь приобретает мировое значение. Только на этом пути она следует великому пушкинскому завету: *«Для власти, для ливреи не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи»*.

Ты — активный участник исследования изменений в социальной структуре рабочего класса (в Горьком и Горьковской области). Г. В. Осипов подарил мне 2-е издание вашей книги «Рабочий класс и технический прогресс». Не мог бы ты рассказать, как вы по ходу исследования овладевали методологией социологического исследования и методами сбора, анализа информации?

Мне уже приходилось писать в статье «К истории постсталинской социологии», что есть глубокая разница между первыми социологическими книгами «Человек и его работа» (Ядова — Здравомыслова) и «Рабочий класс и технический прогресс» (Осипова).

Книга ленинградской школы базировалась на достаточно разработанной социологической программе, очень основательных методиках и постоянной и плодотворной семинарской работе по освоению «азов» эмпирических исследований в социологии. Именно поэтому Ядов и Здравомыслов могли повторить свое исследование в книге «Человек и его работа в СССР и после» (2003). Ничего подобного не было в московской школе (которую и нельзя назвать «школой»). Какой-либо методологический семинар отсутствовал. Работа над зарубежными методиками, над методиками хотя бы 20-х гг. (школа Гастева) не велась. Книга «Рабочий класс и технический прогресс» родилась, как я предполагаю, по инициативе академика П. Н. Федосеева (нижегородского уроженца) и по согласованию с могущественным Горьковским обкомом КПСС (в редколлегии — 2-й секретарь В. А. Тихомиров). Никакой предварительной обсужденной и отработанной на семинарах программы не было. Не было и серьезных методик исследования. Те, которые помещены в «Приложении» — крайне поверхностны и представляют пересказ методик ЦСУ СССР и некоторых публикаций (по внерабочему времени — Пруденского).

Предложение В. А. Ядова, объединить ленинградские и московские методики, было Г. В. Осиповым отвергнуто. Каждый из авторов глав книги исходил не из материала, собранного по единой программе, а только из собственных, весьма «кустарных» наработок.

Я хочу особенно сильно подчеркнуть, что книги 1965 и 1985 гг. — это *совершенно разные книги*. Книга «Рабочий класс и научно-технический прогресс» (1985 г.) не является 2-м изданием книги «Рабочий класс и технический прогресс» (1965 г.).

У этих книг: а) совершенно разные редколлегии, б) разные авторские коллективы, в) разные исследовательские концепции, г) разные структуры изложения материала. Объединяют их только два обстоятельства: а) эмпирия собиралась на промышленных предприятиях г. Горького и Горьковской области, б) редактором и той и другой книги был Г. В. Осипов.

Для того чтобы не быть голословным перечислю:

По книге (1965 г.)

Редколлегия: Г. В. Осипов, В. А. Тихомиров, С. Ф. Фролов, И. И. Чангли.

Авторский коллектив: А. М. Гелюта, Б. Н. Еремеев, В. П. Зайцева, А. Д. Козлова, В. В. Колбановский, Г. В. Осипов, И. Е. Рубцов, Г. А. Слесарев, И. И. Чангли, З. А. Янкова – с участием Н. Ф. Наумовой, А. А. Зворыкина, Ю. Н. Козырева. В основном – весь состав сектора «Новых форм труда и быта» Института Философии АН СССР в период 1960–1965-х гг.).

Структура книги:

Введение.

Глава 1. Социальные вопросы техники и труда в современном обществе.

1. Человек и труд (И. И. Чангли)

2. Социальные аспекты разделения труда (Н. Ф. Наумова)

3. Разделение труда и отчуждение труда (Н. Ф. Наумова)

4. Социальная обусловленность отношения к труду и мотивации труда (А. А. Зворыкин)

Глава 2. Основные направления развития производства на промышленных предприятиях.

Глава 3. Изменение характера и содержания труда.

Глава 4. Изменение профессионально-квалификационной структуры промышленного предприятия.

Глава 5. Становление и развитие научного и творческого труда (А. М. Гелюта).

Глава 6. Труд и внерабочее время (С. Ф. Фролов, М. С. Айвазян).

Глава 7. Формы трудовой и вне трудовой деятельности (Г. А. Слесарев, З. А. Янкова)

Глава 8. Техника, труд и коммунизм (И. И. Чангли)

Заключение.

Приложение: Методы, применявшиеся в социальном исследовании.

Сбор материала проводился в 1-й половине 1961 г. на нескольких предприятиях г. Горького. Очень ценную помощь оказывал начальник отдела труда и заработной платы завода «Красное Сормово» С. Ф. Фролов. Впоследствии он защитил кандидатскую и докторскую диссертацию в Москве и стал одним из ведущих специалистов по проблемам труда и производства в 80–90-е гг. Перфокарты его исследования по вне рабочему времени я в альпийском рюкзаке перевез в ИКСИ – там они и сгинули...

Собранный материал и уже написанные главы книги, лежали несколько лет, пока – по поручению Г. В. Осипова за них не взялась проф. И. И. Чангли. Именно она дала окончательную редакцию и «товарный» вид этой книге. Эта «товарность» заключалась в том, чтобы книга соответствовала «установкам» директивных органов *после* снятия Н. Хрущева, но *до* «исторического» XXIII съезда КПСС. Характеристику И. И. Чангли я уже дал в ответе на вопрос об отношении социологов к марксизму. И. И. Чангли была яркой сторонницей «научного коммунизма» и почти наизусть знала соответствующие цитаты классиков марксизма. В этом деле она и редактировала (точнее – переписывала и перекраивала) полученный материал. Поэтому многие разделы сегодня окрашены в «красные тона», что по терминологии Остапа Бендера означает «слишком верноподданнические». Но надо и воздать должное Ирине Ивановне Чангли: именно благодаря этим «тонам» позитивный эмпирический материал, содержащийся в этой

книге, мог увидеть свет и войти в научный обиход своего времени. Сегодня ссылок на эту книгу (в отличие от «Человека и его работы») я не нахожу...

Двадцать лет отделяет эту книгу от выхода книги «Рабочий класс и научно-технический прогресс», которая является не вторым ее изданием, а совершенно *иной* – по своим эмпирическим основаниям и структуре – книгой. Для того, чтобы это обосновать я должен кратко остановиться на следующих событиях, которые происходят в 70-е годы.

Ведется очень серьезная работа над программами, методикой и процедурами социологических исследований. По инициативе Г. В. Осипова в 1973–1976 гг. готовится «Рабочая книга социолога» – фактически следующий (после книги В. А. Ядова) учебник – пособие по проведению эмпирических исследований. «Мозговым центром» этого пособия были уже социологи третьей генерации – Г. М. Денисовский, В. Г. Андреенков, П. М. Козырева. Книга вышла первым изданием в 1976 г., вторым (переработанным и дополненным) в 1983 г. Благодаря такого рода пособиям социологические исследования «в центре и на местах» стали проводиться более грамотно и надежнее, переставали быть «выхватыванием» фактов, но становились систематизацией фактов.

В 1971–1972 гг., работая в отделе Н. И. Лапина (ИКСИ) я и Г. М. Денисовский были подключены к международному исследованию «Автоматизация и промышленные рабочие». В нем принимали участие 15 стран, головной организацией был ИМРД АН СССР (проф. В. И. Усенин, В. В. Кривневич). В этом исследовании применялась очень тщательно и подробно разработанная методика обследования рабочего места, которые давала исключительно богатую информацию о содержании и характере труда. Впоследствии она была переработана Манфредом Лечем (ГДР) и широко применялась в исследованиях по СССР (в т. ч. по г. Горькому).

Наиболее важным фактором стало образование и деятельность Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран. «Эволюция социальной структуры социалистического общества. Социальное планирование и прогнозирование». Проблемная комиссия была образована в 1974 г. по инициативе видного польского социолога Влодека Веселовского – ученика Яна Щепаньского и члена ЦК ПОРП. Осенью 1976 г. в Берлине стоялось совместное заседание 1-й и 2-й рабочих групп этой Комиссии. Было решено подготовить и осуществить исследовательский проект: «Сближение рабочего класса и интеллигенции в социалистических странах». Координаторы – от СССР В. Колбановский, от ГДР – М. Леч.

В 1977–1978 гг. шла интенсивная работа над программами и методиками. Весной 1978 г. я, Г. М. Денисовский, В. Г. Андреенков отправились в столичный город Ленинград на консультацию к В. А. Ядову. Было несколько встреч с ним на ул. Пестеля и в Летнем саду, а затем обсуждение методик в его секторе. По поводу методик В. А. Ядов сказал своим сотрудникам: «Вот как надо работать в социологии!». Привожу эти слова не из бахвальства, но токмо исторической правды ради.

В 1979 г. были проведены полигоны по всем странам – участницам проекта, в 1981 г. осуществлена первая обработка данных, в 1985 г. полная обработка, изданная в 5 томах в Праге.

Программы и методики исследования готовили по направлениям:

а) содержание и характер труда (СССР – В. Колбановский, ГДР – М. Леч)

б) материальные условия жизни (НРБ – К. Димитров, А. Атанасов)

в) образование и квалификация (ПНР – М. Ярославска, Л. Бескид, Э. Внук-Люпиньский)

г) общественно-политическая активность (ЧССР – Ф. Харват)

д) социальные мобильности и перемещения (ВНР – Т. Колоши, Ф. Ковач)

В методическую группу входили Г. Аксентиевич, О. Атанасов, Г. Денисовский, А. Ратомски, М. Тучек, И. Фрайтаг, М. Ярославска. Обработку информации

осуществляли А. Афанасьев и М. Тучек.

Направление исследования определили структуру двух будущих книг, которые излагали их результаты по СССР и социалистическим странам.

Когда началось международное исследование перед «ядром» рабочей группы (В. В. Колбановский, Г. М. Денисовский, П. М. Козырева) встал законный вопрос: как собирать репрезентативный материал по СССР? Подчеркну: ни о каких общесоюзных или даже региональных «выборках» и речи быть не могло. На все существовало строжайшее «табу». Только ВЦИОМ (Заславская, Грушин, Левада) и только в конце «перестройки» ломают этот запрет.

В 1979 г. мы пошли по следующему пути – г. Горький и область были достаточно показательны как среднестатистические для страны. Охватить весь регион нам было не велено, но по решению Горьковского Обкома КПСС было выделено около пяти предприятий: ГАЗ, Красное Сормово, Заволжский моторный завод, Балахнинский бумажный комбинат, Химзавод. На некоторых из них (первых двух) обследование проводилось 20 лет назад. Новацией была случайная выборка из всего коллектива предприятия, затем – обследование рабочего места и подробное интервью по международному «Вопроснику». Все это дало основной массив для дальнейшей работы.

На этом этапе к работе подключился Г. В. Осипов, который предложил проводить по этой же методике исследование по регионам СССР под названием «Показатели социального развития». Номинальным руководителем проекта был он, фактически всю работу осуществляли Г. М. Денисовский, П. М. Козырева и сотрудники сектора «Социальная структура рабочего класса», который в период 1972–1982 гг. возглавлял я. Полигоны (с великими трудностями и только «по милости» местных партийных «верхов») были проведены в Днепропетровской области, Белорусской ССР, Азербайджанской ССР и ряде других. В ЦК КП Украины был получен категорический отказ (там были более «правоверные», чем «москальи» на Старой площади). Так же сорвалось исследование по Новосибирской области. Но, так или иначе – исследование – пусть недостаточно репрезентативное – велось по регионам СССР до 1985 г.

В «самом начале» перестройки Г. В. Осипов, Г. М. Денисовский и П. М. Козырева едут в Прагу и там осуществляют обработку данных по всему международному массиву (в т. ч. по СССР, которые фактически являются данными по г. Горькому и области).

Г. В. Осипов предлагает на основе горьковского массива выпустить книгу «Рабочий класс и научно-технический прогресс». Ответственным редактором является он сам, членами редколлегии – Г. М. Денисовский, П. М. Козырева, В. В. Колбановский, Ф. Р. Филиппов. В авторский коллектив входят сотрудники и аспиранты моего бывшего сектора: Н. Б. Иванова-Тучкова, А. Э. Низамова, Е. М. Смирнов, А. И. Кравченко, Н. В. Казаринова, А. Н. Кинсбургский, Ю. П. Коваленко. Структура книги воспроизводит основные направления международного исследования. Первые три главы: Проблемы научно-технического прогресса, содержание, затем – характер и условие труда, мотивация труда, материальное благосостояние и условие жизни, образование, социальная активность, социальные перемещения.

По структуре книга 1986 г. «как бы» перекликается с книгой 1965 г. – но это сугубо внешнее отличие, говоря на гегелевском жаргоне «кажимость».

В чем состоят существенные отличия двух книг? Да, они базировались на одном и том же «социальном пространстве», – предприятиях г. Горького и области, но на разных научных основаниях, у них были несопоставимые методики:

а) В основе книги 1986 г. находились международные, хорошо отработанные методики, которых у нас попросту не было в 1969–1965 гг.

б) Были применены количественные методы, весь материал был математически обработан по единой программе, поэтому был сопоставим с другими регионами СССР и другими странами.

в) Авторский коллектив составили преимущественно социологи третьей генерации, хорошо владеющие различными методами анализа.

г) Книга 1965 г. еще отражала социальные иллюзии и надежды периода «оттепели». Книга 1986 г. — появилась после брежневского «застоя» и отражала социальные иллюзии и надежды самого начального периода «перестройки». От первого абзаца до последнего она представляет «цитатник» решений горбачевского XXVII съезда КПСС и новой редакции Программы КПСС. В книге 1986 г. делаются попытки сопоставления с книгой 1965 г. Но следует сказать, что это — весьма натянутые и неосновательные попытки. Как можно сравнивать содержание и характер труда рабочих, мастеров, инженеров, когда в основе такого сравнения лежат совершенно различные методики и подходы?! Это же относится и к другим разделам двух книг. Перечитывая книгу 1986 г. нетрудно убедиться, что материалы и данные 1965 г. упоминаются в каждом разделе лишь в нескольких первых абзацах, а затем следует анализ конкретики конца 1970-х гг., густо пересыпанной цитатами из только что (весной 1986 гг.) принятых «основополагающих» партийных документов. О работе «Проблемной комиссии АН социалистических стран» и ее рабочих групп в книге не говорится ни слова.

Теперь я несколько отвлекусь от темы двух изданий книги и обращусь к книге 1989 г. Как я уже говорил — в основе всей нашей работы в конце 70-х — начале 80-х гг. лежали программы и методики международного коллектива Проблемной комиссии сотрудничества АН соцстран. Структура и эмпирический материал книги «Рабочий класс и научно-технический прогресс» 1986 г. от начала до конца базируется на этой основе, но ограничивается рамками СССР (на материалах горьковского полигона). В 1986—1989 гг. работа была продолжена. Данные по всем странам (обработанные в Праге еще в 1985 г.) были систематизированы и представлены в книге «Рабочий класс и инженерно-техническая интеллигенция в социалистических странах. Социальная информация», издательство «Наука», 1989 г. Редколлегия: Г. Денисовский, В. Колбановский, П. Козырева; Авторский коллектив — все упомянутые выше члены рабочих групп Проблемной комиссии и сотрудники ИСИ АН СССР. Структура книги воспроизводит направления международного исследования и практически совпадает со структурой книги 1986 г.

Особенности этой книги:

она выходит на «излете» горбачевской перестройки. Поэтому в ней гораздо меньше «радужных» тонов. В книге отмечается, что международное исследование 1976—1982 гг. происходило в обстановке, неблагоприятной по трем основаниям:

- экономическому (общее замедление темпов развития),
- социальному (стагнация социальной сферы),
- идеологическому (расцвет парадных, упрощающих, иллюзорных концепций «социальной однородности» (стр. 6).

Анализ показателей социального развития выявляет возрастающую неравномерность развития «соцстран», когда:

- ГДР и ЧССР дают наиболее высокие показатели по многим направлениям,
- ПНР и ВНР — средние,
- СССР и НРБ — наиболее низкие.

Прошедшие четверть века (1989—2013) только подтвердили эти измерения

и выводы: Восточная Германия и Чехия вписываются в ЕС, Польша и Венгрия – его неустойчивая периферия, Болгария – одна из беднейших и самых проблемных стран ЕС, а Россия (правопреемница СССР) резко ухудшила свои социальные показатели по сравнению с советским периодом (для 70-80% населения).

Один из главных научных результатов исследования: *внутриклассовые различия становятся более значительными, чем межклассовые*, происходит социальная дифференциация и внутри инженерной интеллигенции. *Миф «социальной однородности» тем самым атаковался и развенчивался* – выявлялись иные источники социальной дифференциации (прежде всего – по характеру и содержанию труда), которые особенно нарастают сегодня, в период «информационной революции».

В исследовании был поставлен вопрос о соотношении планируемых и непланируемых процессов (как развитие тех идей, которые были заложены в проекте «Социальная организация промышленного предприятия», под руководством Н. И. Лапина в 1971–1972 гг.).

В международном проекте 1976-1982 гг. была выдвинута и подтверждена гипотеза о том, что «при рассогласовании планируемых и спонтанных процессов все развитие новой интеграции общества, сближение классов и социальных групп, уменьшение классовых различий существенно замедляется; *негативно-спонтанные процессы объективно ведут к консервации или возрастанию социальной дифференциации старого типа, основанной на существенном различии общественного положения социальных групп, их имущественном, культурном, образовательном неравенстве*» (стр. 263).

Именно эту гипотезу подтвердил эмпирический материал международного исследования, как своеобразное «*memento mori*» т. н. «мировой социалистической системы».

Теперь я вновь обращаюсь к главному выводу: Ленинградская школа В. А. Ядова – А. Г. Здравомыслова имела основание провести повторное исследование «Человек и его работа» и выпустить второе издание в 2003 г., так как в основе двух книг лежала одна и та же единая методика.

О книгах под ред. Г. В. Осипова этого сказать нельзя никоим образом. Сопоставление двух периодов (1965 г. и 1986 г.) идет здесь преимущественно на экономико и социально-статистическом уровне, но не на уровне *глубокого социологического анализа*, ибо за 1965 г. нет исходных эмпирических данных.

Я допускаю, что книга 1965 г. – при всех своих недостатках – была позитивной, как одна из первых – пусть и не совсем удачных – попыток соединения теории труда, быта, гендерных проблем с эмпирическими данными.

Я тем более могу согласиться, что книга 1986 г. была позитивной, т. к. впервые дала если не «портрет», то хотя бы «эскиз» крупного промышленного региона СССР, но выполненного «в строгих правилах искусства», т. е. по хорошо разработанным международным методикам сбора и анализа эмпирических данных.

С чем я категорически не согласен – это то, что книга 1986 г. является «вторым изданием» книги 1965 г.!

В современном русском разговорном языке затесалось слово-паразит «как бы». В данном случае оно очень уместно. Книга 1986 г. – это «как бы» второе издание или квази-второе издание книги 1965 г.

Дорогой Борис! Ты знаком с моей статьей «Россия – страна с непредсказуемой историей социологии». Я специально столь подробно остановился на истории этих двух книг, для того, чтобы проиллюстрировать, что история социологии России перекраивается и перелицовывается в угоду тем или иным конъюнктурным соображениям. И есть великие мастера этого дела! Как пел наш незабвенный Булат Окуджава:

«... Сулит нам новые удачи
Искусство кройки и шитья!»

Но некоторые радужные одеяния шиты белыми нитками. В этом суть моего ответа на твой вопрос.

Какими сегодня, по твоему мнению, является российское общество и наука об этом обществе?

1. «Россия поднимается с колен». Но как пронизательно заметил наш пожизненный «дежурный по стране» Михаил Михайлович Жванецкий «С колен-то она уже поднялась – но ей еще надо подняться с дивана!» – с дивана социальных иллюзий и мифов, с дивана вековой российской «обломовщины».

Точкой опоры в этом процессе возрождения может быть в первую очередь – наука, и в первую очередь – социальная наука, и в первую очередь – развитая на современном уровне социология.

2. Подобно тому, как у России есть только два союзника – армия и флот, у социологии есть только два союзника – естественные науки и гуманитарные науки. В каждой из них происходят великие преобразования, каждая из них мучительно обретает свою философскую основу, каждая из них рождает современную форму материализма (наряду с другими «побочными» продуктами).

3. Такой современной формой материализма является «универсальный эволюционизм», охватывающий наиболее общие законы и механизмы развития неживой, живой и социальной материи. Системно-эволюционное понимание природы и общества выходит за пределы марксова материализма, преодолевает его консервативную систему, но сохраняет его революционную «душу» – диалектику.

4. Наше настоящее, в соответствии со «стрелой времени» всегда есть переход от «прошлого» к «будущему», от старых (традиционалистских) общественных форм к новым (модернизационным). Как пронизательно заметил тот же пожизненный «дежурный по стране»: «Россия от недоразвитого социализма перешла к недоразвитому капитализму». Недоразвитость – это отсталость, а за отсталость – бьют! Советская Россия базировалась на самых неразвитых, примитивных, грубых, а именно – политарных формах частной собственности, реальными владыками которой была военно-бюрократическая партократия.

Современная Россия так же базируется на неразвитых формах частной собственности, узурпированных в 1991 г. и фактически принадлежащих финансово-бюрократической олигархии – унии или симбиозу крупного (в основном компрадорского) капитала и крупной бюрократии. Депривированными, обездоленными, «униженными и оскорбленными» являются 70-80% населения России – ее основные производительные классы – интеллигенция, рабочий класс, крестьянство.

Место и роль гражданской (публичной) социологии – пробуждать самосознание этих классов для того, чтобы они стали активными субъектами только еще формирующегося в России гражданского общества.

Завершающий вопрос: В какую эпоху мы живем? Каковы ее исторические координаты?

Я позволю себе обратиться к Николаю Бердяеву. Он был не только религиозным философом, но и блистательным диалектиком и социальным мыслителем.

В 1924 г. в Берлине он опубликовал книгу этюдов о русской революции.¹¹ Согласно Н. Бердяеву рациональный день Новой истории кончается, солнце его заходит, наступают сумерки, мы приближаемся к ночи.

«Новым средневековьем я называю ритмическую смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхрационализму средневекового типа» (с.3). «Старый мир, который рушится и к которому не должно быть возврата и есть мир новой истории с его рационалистическим просвещением, с его индивидуализмом и гуманизмом, с его либерализмом и демократизмом, с его чудовищной индустриально-капиталистической системой хозяйства, с безудержной и безграничной похотью жизни, с его безбожием и бездушием, с разъяренной борьбой классов и социализмом, как увенчанием всего пути новой истории» (с. 4).

Подобно тому, как за днем следует ночь, за Новой историей следует поворот к Новому средневековью. Перед глазами Н. Бердяева фашизм в его итальянском (муссолиниевском) варианте и коммунизм в его российском (ленинском) варианте. «И фашизм, единственное творческое явление в политической жизни современной Европы, есть в такой же мере новое средневековье, как и коммунизм» (с. 8).

Новое средневековье по Н. Бердяеву – это господство иррационального начала и универсальная религиозность. «Духовным центром в грядущую эпоху может быть только Церковь, как в средние века» (с. 14). Место классовых делений заменяют цеховые корпорации. Социальные иерархии и неравенство восстанавливаются, как восстанавливается аристократия, но «аристократия духа».

Этого достаточно. Если Н. Бердяев велик в своей критике Новой истории (читай – капиталистической системы), то его позитивная программа есть не что иное, как религиозно-консервативная утопия.

Однако, я не случайно обратился к этой, достаточно забытой работе Н. Бердяева. Разве мы не видим по всему миру и в нашей России «зримые черты» надвигающегося Нового средневековья? Речь идет не только об исламском фундаментализме и «Великом халифате». К новому средневековью ведет либеральный (рыночный) фундаментализм, который прикрываясь флером «прав человека», пытается осуществить гегемонию крупных индустриальных держав над полупериферией и периферией Европы и гегемонию «золотого миллиарда» - над всеми остальными народами земли. К новому средневековью ведут и те ультра-консервативные силы в России, которые хотят восстановить ее имперские начала и полностью перечеркнуть начала демократические и гуманистические, начала социальной справедливости, человеческого достоинства и равенства, которые были завоеваны и выстраданы народами России в великих битвах XX века.

Новое средневековье отрицает в первую очередь *рациональность, демократизм и гуманизм*. И надо сказать, что в XX веке ему удалось достичь высочайших вершин этого «отрицания». Тоталитаризм (в его правой - гитлеровской или «левой» – сталинистской форме) есть безудержный иррационализм («взрыв архаики» по определению Томаса Манна), есть универсальный антидемократизм, есть попираание кованым сапогом всего человеческого и ликующее торжество звериного. Иными словами, он есть отрицание той социальности, культуры и личности, которые за 10 тысячелетий были выработаны всей мировой историей.

Антифашистская песня 30-х годов гласила:

«И так как все мы – люди,
Не дадим бить в лицо кулаком,
Никто на других не поднимет плеть
И сам не будет рабом!»

¹¹ Бердяев Н.А. «Новое средневековье. Размышление о судьбе России». Берлин, 1924.

Социальное рабство есть единство физического и духовного порабощения, и именно его несло Новое средневековье, и именно его отвергали антифашисты СССР и всего мира, которые в 1945 году сразили Господина Дракона в его логове. Но «Убить Дракона» не так-то просто – он способен к бесчисленным трансформациям, он селится и воскресает в людских душах. Советского «Господина Дракона» атаковали с разных позиций, но с рыцарской доблестью и отвагой – Булгаков и Платонов, Солженицын и Астафьев, Варлам Шаламов и Юрий Домбровский. Ахматова и Мандельштам, Твардовский и Пастернак, Высоцкий и Галич. Тремя головами Господина Дракона были культ собственной личности, бюрократический абсолютизм и государственно-крепостническое раболепие. Об этом «остаточном средневековьи» очень точно сказал Булат Окуджава:

«Я кланяюсь низко
 познания морю безбрежному,
Разумный свой век,
 многоопытный век свой любя,
А все-таки жаль,
 что кумиры нам снятся по-прежнему
И мы иногда
 все холопами числим себя»

Новому – тоталитарному Средневековью – может быть противопоставлено только Новое Возрождение – социальное и культурное, но в первую очередь – ренессансная научная и художественная мысль!

Социальной основой этого Нового Возрождения могут быть в первую голову производительные классы, люди труда и знания, а основным рычагом и механизмом их пробуждения – «информационная революция» - переход от индустриального к научно-информационному производству, и новые системы общественных отношений, выходящие за узкие рамки глобального капитализма и универсальной частной собственности.

Рациональность Нового Возрождения базируется на пяти веках развития культуры – ее науки – от Коперника и Галилея до Эйнштейна и Пригожина, ее философии – от Бэкона, Декарта, Спинозы – до Канта и Гегеля, Маркса и Энгельса, ее социологии – от Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма – до И. Валлерстайна и М. Буравого, ее искусства – от Леонардо и Микеланджело – до «импрессионистов» и «передвижников», ее литературы – от Рабле и Шекспира – до Гёте и Гейне, до Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского, Горького и Маяковского, до великих исследователей и беспощадных критиков капитализма и тоталитаризма – Бальзака и Анатоля Франса, Диккенса и Теккерея, Марка Твена и Джека Лондона, Бернарда Шоу и Герберта Уэллса, Леона Фейхтвангера и братьев Маннов, Драйзера и Синклеров, Фолкнера и Хемингуэя, Рэя Бредбери и Джорджа Оруэлла, Аркадия и Бориса Стругацких – этот список блистательных умов может быть многократно продолжен, но их всех объединяет одно – вера в человека, защита человека от физического и духовного насилия, защита самой человечности как основы основ социального общежития, как высшей нормы существования самого социума.

Новое Возрождение – это, безусловно, восстановление рационального начала в его правах, это всемерное развитие естественно-научной и гуманитарной мысли, это применение системно-эволюционного, стадийно-нелинейного подхода к явлениям Природы и событиям Истории.

Наконец, Новое Возрождение – это обеспечение устойчивого (бескризисного) развития как в международном, так и национальном плане, а для этого – применение разумных, планирующих и регулирующих начал в мировой и национальной экономике и политике, исключаящее гегемонизм и диктат и основанное на демократических принципах и уважении интересов, прав и культуры всех народов – больших и малых, центра и периферии мира.

Есть ли такой потенциал для Нового Возрождения в современном обществе? Это может показать только переход от «прошлого» к «будущему». Но перед человечеством стоит дилемма:

- либо путь глобального капитализма, ведущий, в конечном счете, к перманентной неустойчивости, кризисам, катастрофам, коллапсу — самоуничтожению не только социосферы, но и биосферы Земли.
- либо выход за пределы глобального капитализма к обществу более высокой и сложной самоорганизации и саморазвития, которое наш великий Вернадский назвал «ноосфера». Но, как говорят Стругацкие, «это уже совсем другая История»!

Postscriptum

Дорогой Борис!

В своем письме от 4 января 2014 г. ты пишешь: «осенью этого года будет ровно 10 лет моему проекту по истории российской социологии... все началось со статьи (еще прижизненной) о Грушине, написанной летом 2004 года... таким образом, есть «ключ» к 5-томнику; это итоги десяти лет работы местного (калифорнийского) сумасшедшего...»

Я со своей стороны хочу напомнить, что работу с бойцами, которые «вспоминают минувшие дни и битвы где вместе рубились они» начал в 90-е гг. светлой памяти Геннадий Батыгин. Он разработал стандартную анкету, раздал ее социологам-шестидесятникам (как «левым», так и «правым»), собрал нас на совещание в Институте социологии РАН, провел либо устное интервью, либо получил письменные ответы — и в 1999 г. выпустил книгу о социологии 60-х гг. Поскольку я дал очень обстоятельный ответ на вопросы анкеты, мне оказали честь открыть эту книгу статьей «К истории постсталинской социологии».

Ты приступил к работе в тот год, когда Геннадия Батыгина уже не стало, но в моих глазах (думаю, и остальных «шестидесятников») ты являешься преемником этого зачинателя истории советской социологии (разумеется, наряду с В. А. Ядовым, Б. М. Фирсовым, А. Н. Алексеевым).

Я думаю, что имею право поблагодарить «калифорнийского сумасшедшего» за эти 50 интервью — и от имени ныне живущих, и от имени уже ушедших от нас друзей. Твои пять томов — это пять «кирпичей» Нового Возрождения и ренессансной мысли. Более того — это то, что объединяет и сплачивает тот отряд, каждый из ратников которого отличается «лица необщим выраженьем», но все вместе они представляют интеллектуальную и боеспособную дружину, а имя ей — социологи России. Всем нам надо помнить вещие слова Булата Окуджавы:

«Как вождельно жаждет век
Нащупать брешь у нас в цепочке —
Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть поодиночке!»

P.P.S. Что же касается «калифорнийского сумасшедшего», то напомню: наши коллеги — физики ставят вопрос так: «Достаточно ли сумасшедшая эта идея, чтобы быть правильной?!» Твоя идея — охватить «электронной почтой» из-за океана активную и многопоколенную часть российских социологов — была настолько «сумасшедшей», что оказалась — правильной.

С товарищеским приветом,
Варлен Колбановский
15.01.2014